

Эдуард ХАРИТОНОВ

Тернистый путь к истине

«КАЗАКСТАН»

Эдуард ХАРИТОНОВ

Тернистый путь к истине

*Рассказ о подвиге
экипажа Маслова и перипетиях
борьбы за признание героев героями*

АЛМАТЫ,
ИЗДАТЕЛЬСТВО "АКЗАКСТАН"
2003

ДЯЗС

ББК 84Р744
Х 20

*КНИГА ВКЛЮЧЕНА В СПИСОК СОЦИАЛЬНО ВАЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ, ИНФОРМАЦИИ И
ОБЩЕСТВЕННОГО СОГЛАСИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН*

Харитонов Э.

Х 20 Тернистый путь к истине. – Алматы: ТОО “Издательский дом “Қазақстан”, – 2003. – 104 стр.

ISBN 9965-10-005-5

Шестьдесят с лишним лет существует легенда об “огненном таране” Н. Гастелло в первые дни Великой Отечественной войны. Нашего земляка, Героя Советского Союза Нуркена Абдирова, мы тоже представляем как лётчика, повторившего “подвиг” Н. Гастелло. Но тот подвиг на деле был совершен экипажем капитана А. Маслова, в составе которого находился и наш земляк, доселе неизвестный Бахтыораз Бейсекбаев, ныне удостоенный звания Героя России и Халык қаһарманы. Эту истину установил не историк, не юрист, не журналист, а майор-инженер в отставке Эдуард Васильевич Харитонов. Как это ему удалось – в настоящей книге.

Х 4702010201 – 11
401 (05) – 03

ББК 84Р744

© Харитонов Э., 2003.
© ТОО “Издательский дом “Қазақстан”, 2003

ПОЧТОВЫЕ МАРКИ

До самого последнего времени в моей десяти-тысячной коллекции почтовых марок (коллекцию в 1979 году украли) хранились первые мои приобретения. Это была серия из восьми марок, пять из которых были посвящены легендарным героям: Талалихину, Зое Космодемьянской, Саше Чекалину, генералу Доватору и капитану Гастелло. Вскоре после этой серии была выпущена марка, посвященная пяти героям молодого гвардейцам. Хорошо помню чувство безмерной гордости за них. До конца войны было выпущено ещё ровно столько же, т.е. шесть почтовых марок СССР, посвящённых героям Великой Отечественной войны.

Все почти 40 лет коллекционирования марок, я старался как можно больше узнать о том, чему они посвящены и о тех, кому они посвящены. И о молодого гвардейцах, и о панфиловцах, и о Зое Космодемьянской, и о Гастелло; мне казалось, что я знал все.

Я был абсолютно уверен, что капитан Гастелло был лётчиком-истребителем. Звание Героя ему присвоили одному, значит в самолёте, который он превратил в огненный таран, он был один. На почтовой марке, посвящённый его подвигу, изображен *истребитель*. В стихах поэтессы Людмилы Попо-

вой, посвящённых капитану Гастелло, воспет подвиг лётчика-истребителя.

И, как-то незаметно, моим хобби на всю жизнь стала история.

Особый интерес вызывала у меня история России, а в ней – история Красной (Советской) Армии и история любимой Коммунистической Партии. Моя филателистическая ЛЕНИНИАНА на одной из областных выставок в Новгороде заняла второе место. И я получил за нее диплом и серебряную медаль. На той же выставке моя экспозиция, посвящённая Красной Армии, заняла 4-е место! И тоже была отмечена дипломом и серебряной медалью.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Однако я перескочил через одно важнейшее событие в своей жизни. В 1961 году меня буквально потрясли две фантастические новости. Во-первых, я узнал, что капитан Николай Францевич Гастелло был отнюдь не лётчик-истребитель, а был лётчиком-бомбардировщиком! Мне, знавшему, что на почтовой марке, выпущенной в 1940 году и посвященной дрейфу ледокола “Герой Седов”, изображены Все пятнадцать дрейфовавших на нем человек. И все они (в том числе повар и студент-практикант) были удостоены звания Героев Советского Союза, было никак не понять, – как же могло так случиться, что если в самолёте, превращенном волей его пилота в “огненный таран”, было 4 человека, то почему Героем объявлен один? Что у троих других было по несколько жизней? Или их жизни были менее ценными? Я был потрясён!

Ещё большее потрясение вызвало второе открытие. К моему отцу, работавшему в то время народным следователем в Коломенской прокуратуре, пришла вдова нашего земляка – лётчика-бомбардировщика капитана Маслова Александра Спиридоновича.

Софья Евграфовна Маслова рассказала отцу следующую историю:

Её муж служил в предвоенное время в 207-ом бомбардировочном полку 42-ой авиадивизии Главного Командования в должности командира 3-й эскадрильи. В том же полку, командиром 4-ой эскадрильи был легендарный капитан Н. Ф. Гастелло. Полк располагался на аэродроме “Боровское”, недалеко от Смоленска. С Гастелло дружили семьями. До 26 июня 1941 года полк потерял уже 8 экипажей. На бомбометание дальние бомбардировщики летали без прикрытия истребителями. В семьях была страшная тревога за судьбу родственников. В каждый полёт уходили, как в последний. Вот и в тот день – 26.06.41г., получив боевое задание, Александр Спиридонович забежал на минутку домой – проститься с женой и дочкой Ириной. Жене сказал: “Ты за меня не волнуйся, Я живым немцам не дамся!” Остаться живым не обещал. Обещал “в плен не дамся!”

С того боевого задания не вернулись оба: и Гастелло и Маслов. Полк в тот день начал перебазирование в Брянск. Ничего определенного узнать было невозможно.

Через месяц капитану Гастелло было присвоено высокое звание Героя Советского Союза (посмертно); о Маслове никаких известий не было.

Жить в авиагородке на новом месте базирования стало бессмысленно; тем более что полк, бу-

лучи к концу июля 1941 года полностью уничтоженным, перестал существовать. Поехала на свою родину в Ржев. Когда и над Ржевом нависла угроза оккупации – поехала с дочкой за Урал. Там, уже в 1942 году, получила известие о том, что муж признан “пропавшим без вести”.

В 1944 году переехала с дочкой в Коломну – поближе к родителям Александра Спиридоновича, проживавшим в селе Андреевское, расположенном в 20-и километрах от города. Бедствовала жутко. Муж считался полупредателем, пенсию на дочку не давали, родственники мужа помочь были не в состоянии.

И вот, 17 января 1952 года из военкомата пришло письмо, в которое была вложена копия сообщения райвоенкома из белорусского городка Радошковичи. Вот его текст:

“При перезахоронении останков братских могил погибших воинов Советской Армии в годы Великой Отечественной Войны 1941–1945 гг. в Радошковическом районе обнаружили останки экипажа советского самолёта, героически погибшего 26 июня 1941 г. в боях с немецко-фашистскими захватчиками в районе м. Радошковичи Молодеченской области БССР.

Среди них капитан Маслов Александр Спиридонович, 1907 года рождения, уроженец Московской области, Коломенский район, село Андреевское.

По показаниям местных жителей героический экипаж вел мужественный бой с немецко-фашистскими стервятниками, но, будучи повреждён, уже горящим повел свой самолёт в немецкую колонну войск, двигавшихся в г. Минск.

Останки героически погибшего экипажа само-

лѣта перенесены в центр м. Радошковичи и похоронены в сквере в братской могиле с отданием воинских почестей”.

Далее Софья Евграфовна сказала отцу, что, получив это известие, она посчитала, что муж её, – капитан Маслов А.С. совершил точно такой же подвиг, как и Гастелло Н. Ф., а потому обратилась с просьбой в Верховный Совет СССР о присвоении её мужу такого же звания, как и Гастелло. Но ответа никакого не получила.

Думая, что может быть, она что-то не так написала, она попросила помочь ей юридически правильно составить обращение в Президиум Верховного Совета СССР.

Отец ей тогда помог, а всю историю рассказал мне. Сделать тогда что-либо самим для вдовы капитана Маслова не было никакой возможности. Оставалось только ждать и думать, “чем все это закончится?” Закончилось всё тем, что Софья Евграфовна получила ответ, в котором говорилось: “Присвоить звание Героя за давностью не можем”. Важным было то, что сам факт подвига под сомнение не ставился!

26 ИЮНЯ 1991 ГОДА

Прошло 30 лет! Будучи народным депутатом Коломенского городского Совета народных депутатов и на профессиональной основе работая помощником народного депутата СССР по Коломенскому округу, члена Верховного Совета СССР Стадника Владимира Яковлевича, с командировочным удостоверением редакции газеты “ИЗВЕСТИЯ” Коломенского городского Совета на-

А. С. Маслов. 1938 год.

Звание капитан присвоено 17.02.39 г.

родных депутатов, я отправился в Радошковичи на празднование 50-летия подвига капитана Н. Ф. Гастелло.

Приехав на место подвига, я, прежде всего, попытался найти ту братскую могилу из которой при перезахоронении были извлечены останки членов экипажа капитана Маслова.

Такое место мне показали два старика из соседней Радошковичам деревни Декшняны. Назвать себя они отказались, сославшись на запрет КГБ вести разговоры о Маслове. Место было в поле, в 200 метрах от шоссе и примерно в полукилометре от главного памятника экипажу Гастелло. на котором написано, что он установлен на месте совершения огненного тарана!?

Тем старикам я задал два вопроса. Прежде всего, я спросил: “Что тогда было на этом месте?” И получил совершенно неожиданный ответ: “Та самая зенитная батарея, огнем которой и были 26 июня 1941 года подбиты два самолёта, и в которую один из них и врезался огненным тараном!”

Становилось совершенно ясно, что экипаж капитана А. С. Маслова погиб, совершив огненный таран зенитной батареи, прикрывавшей развилку дорог. Тогда я задал старикам свой второй вопрос “А где же место огненного тарана Гастелло?” Удивившись очень моему вопросу, старики ответили: “Так вот же оно! Мы на нем как раз и стоим!”

Потом, после торжественного собрания и митинга, посвященных 50-летию легендарного подвига капитана Гастелло, я спросил организаторов этих мероприятий: “А где же братская могила экипажа Гастелло?” Ответ был примерно таким: “Там, у деревни Миговка!?” От просьбы показать мне это место – все дружно уклонились!?

тить на мой вопрос: “А почему на памятнике экипажу Гастелло, установленном на окраине Радошковичей, написано, что он установлен на месте совершения подвига Гастелло, если его могила совсем в другом месте?” – так же никто не смог!?

Становилось совершенно ясно, что огненный таран был один и совершил его экипаж капитана А. С. Маслова!

В центре Радошковичей есть сквер, где когда-то, после первого перезахоронения в 1951 году, покоился прах членов экипажа самолёта капитана Маслова Александра Спиридоновича; и где установлен памятник капитану Гастелло!

В Радошковичах есть школа имени капитана Гастелло, перед которой установлен памятник капитану Гастелло.

На окраине Радошковичей установлен памятник с поэтическим названием “Разорванное сердце Гастелло”.

Нет в Радошковичах памятника экипажу капитана Маслова. А после того как кому-то показалось, что сквер в Радошковичах слишком шикарное место для захоронения праха героического экипажа А. С. Маслова, останки героев были потревожены во второй раз и перенесены на общее кладбище! При этом фамилии героического экипажа разместили на разных мемориальных плитах с шестью ошибками в указании их имён, фамилий и воинских звании. Вот когда мне окончательно открылись глаза на партию Ленина, в которой те, кто выступал от её имени, главным образом, самозванные вожди и вождики, полуграмотные идеологи и моралисты думали одно, говорили – другое, а делали – третье!

Для того, чтобы сделать окончательные выво-

ды о том, что же на самом деле произошло 26 июня 1941 года в районе Радошковичей требовалось. прежде всего, уточнить, сколько же самолётов было в тот день над Радошковичами? Сейчас я располагаю теми самыми показаниями местных жителей, на которые ссылался райвоенком Радошковичей – подполковник Котельников.

Тогда их у меня не было, а потому с этим вопросом я обратился к Бородину Александру Митрофановичу – бывшему инженеру 207-го авиаполка по вооружению, руководившему 26 июня 1941 года подвеской бомб к самолёту Гастелло. Вот его рассказ, записанный мной на диктофон в Радошковичах 26 июня 1991 года: “25 июня был дождь. Полетов не было. 26-го весь полк готовился к вылетам по своим заданиям и к перебазированию в Брянск. В этот день был всего один вылет. Улетавшие самолёты на этот аэродром больше не возвращались. В полку оставалось 15 самолётов. Эскадрилью из 9-и самолётов увел майор Марков. Затем улетели Гастелло, Маслов и зам. командира полка. О том, что с кем произошло, никто нам не рассказывал. О том, что Гастелло присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно), узнали в Брянске. Был проведён митинг, на котором замполит дивизии рассказал об этом”.

За время моего короткого пребывания в 1991 году в Радошковичах, мне было преподнесено три дорогих подарка: директор музея школы-интерната имени Гастелло, очень милый человек – Михаил Иванович Косяк подарил мне фотографию молодого Маслова, сделанную 25 марта 1932 года. Он же подарил мне книжку “Они защищали Минск” Н. М. Акаловича (Минское издательство “Народ-

ная асвета”, 1987), сделав на ней следующую надпись: “На добрую память в день 50-летия героической гибели командира 3-ей эскадрильи 207-го авиаполка капитана А. С. Маслова в районе пос. Радошковичи. Харитонову Э. В.”.

А Вячеслав Антонович Лешкович подарил мне собственную книжицу “Камень у дороги” (Минск, “Полымя”, 1988), в которой рассказано о памятниках Героям войны, сделав на ней дарственную надпись “Харитонову Эдуарду Васильевичу, коломенцу-патриоту. Камни Молодеченской земли, где совершил свой подвиг капитан Маслов А. С. 26.06.1991 г. Через 50 лет с того дня Великой Отечественной войны”.

Директор Гастелловского музея, в котором нет ничего о Маслове, – дарит фотографию Маслова и книгу с его портретом и небылицами о его гибели. (Ему стыдно, но он ничего не может изменить). Автор книжки о памятниках (среди которых нет памятника Маслову) пишет на ней о Молодеченской земле, на которой “совершил свой подвиг капитан Маслов А. С.”.

НАЧАЛО ПУТИ К ИСТИНЕ

27 июня 1991 г. я был уже в Коломне. Доложил обо всём В.Я. Стаднику и с его благословления отправился в г. Подольск – в Центральный Архив Министерства обороны СССР.

А 9 июля 1991 года выступил на 4-ой сессии Коломенского Совета народных депутатов. Текст моего выступления на сессии не сохранилось, но сохранился текст моей заметки в Коломенской газете “Известия” от 18 июля 1991 года. Заметка

вышла под заглавием: “При выполнении боевого задания”. Вот её содержание:

“26 июня 1941 года с аэродрома в Боровске под Смоленском, во второй раз с начала войны всеми оставшимися после первого вылета экипажами, а их с первого вылета 24 июня не вернулось восемь, поднялся на выполнение боевого задания 207-й авиаполк дальних бомбардировщиков. Командиром 4-й эскадрильи был Николай Францев Гастелло, а 3-ю эскадрилью вёл в бой её командир уроженец села Андреевское Коломенского района капитан Александр Спиридонович Маслов.

Танки Гота и Гудериана, рассыпавшись в районе не поселка Радошковичи и деревни Декшняны, появились на горизонте сплошным ковром, рвались к Минску, до которого от Радошковичей всего 40 километров. На этот железный кулак и были нацелены дальние бомбардировщики, вылетевшие на боевое задание вопреки всякой военной логике без прикрытия истребителей, почти полностью уничтоженных фашистами 22 июня. Бездарное руководство (всё самое талантливое было многократно уничтожено), загипнотизированное страхом перед просчитавшимся Сталиным, за ценой не стояло. Но это ни в коем случае не умоляет подвиг тех, кто в каждый бой шел, как в последний раз.

Из того боя не вернулись два экипажа: весь мир знает об огненном таране, совершенном капитаном Гастелло, на пятидесятилетии подвига которого я присутствовал 26 июня в Радошковичах. Гастелло повезло, если так можно сказать про человека погибшего, но не забытого. Из того боя вернулись экипажи его эскадрильи, которыми командовали старший лейтенант Фёдор Воробьев и младший лейтенант Александр Висковский. С их слов

и знаем мы о том, как погиб капитан Гастелло, которому уже 26 июля 1941 года было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Никто не рассказал о героической гибели экипажа капитана Маслова, и до 22 ноября 1951 года он считался пропавшим без вести.

Что же произошло 10 лет спустя, что заставило героев, считавшихся 10 лет “пропавшими без вести” (так сказано в приказе ГУФКА №0150/пр. от 5.5.42г.) считать “погибшими при выполнении боевого задания” (приказ ГУК СА №01542 от 22.11.51г.)? Мне захотелось это выяснить, и для этого я поехал сначала в Радошковичи, а затем в Подольск в центральный архив МО СССР.

В Радошковичах мне показали место, где располагалась артиллерийская позиция немцев, в которую врезался самолёт Маслова (это примерно в пятистах метрах от окраины Радошковичей, где установлен основной памятник экипажу Гастелло, в сторону деревни Декшняны); мне показали место (в поселковом сквере, где установлен знакомый с детства памятник Н. Ф. Гастелло), где после 1951 года покоился прах членов экипажа самолёта А. С. Маслова; мне показали поселковое кладбище с братской могилой, на памятнике которой увековечены имена членов экипажа самолёта капитана Маслова; мне рассказали, что в тот день 26 июня 1941 года, в районе посёлка Радошковичи на головы фашистов, как неотвратимое возмездие, свалились два израненных самолёта, свалились самой смертью своей, доказывая, что наш великий народ победить невозможно.

В архиве я с трепетом и болью держал в руках “Именной список безвозвратных потерь начальствующего и рядового состава 42 АД Главного ко-

и знаем мы о том, как погиб капитан Гастелло, которому уже 26 июля 1941 года было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Никто не рассказал о героической гибели экипажа капитана Маслова, и до 22 ноября 1951 года он считался пропавшим без вести.

Что же произошло 10 лет спустя, что заставило героев, считавшихся 10 лет “пропавшими без вести” (так сказано в приказе ГУФКА №0150/пр. от 5.5.42г.) считать “погибшими при выполнении боевого задания” (приказ ГУК СА №01542 от 22.11.51г.)? Мне захотелось это выяснить, и для этого я поехал сначала в Радошковичи, а затем в Подольск в центральный архив МО СССР.

В Радошковичах мне показали место, где располагалась артиллерийская позиция немцев, в которую врезался самолёт Маслова (это примерно в пятистах метрах от окраины Радошковичей, где установлен основной памятник экипажу Гастелло, в сторону деревни Декшняны); мне показали место (в поселковом сквере, где установлен знакомый с детства памятник Н. Ф. Гастелло), где после 1951 года покоился прах членов экипажа самолёта А. С. Маслова; мне показали поселковое кладбище с братской могилой, на памятнике которой увековечены имена членов экипажа самолёта капитана Маслова; мне рассказали, что в тот день 26 июня 1941 года, в районе посёлка Радошковичи на головы фашистов, как неотвратимое возмездие, свалились два израненных самолёта, свалились самой смертью своей, доказывая, что наш великий народ победить невозможно.

В архиве я с трепетом и болью держал в руках “Именной список безвозвратных потерь начальствующего и рядового состава 42 АД Главного ко-

· мандования за период с 22. 6 по 31. 12. 41г.". В э
списке, в разделе, относящимся к 207 авиапол
не возвратившимися с боевого задания 26.6.4
значатся: Маслов Александр Спиридонович, ка
тан, лётчик, командир авиационной эскадрильи
1907 года рождения, уроженец села Андреевск
Коломенского района Московской области; Ба
шов Владимир Михайлович, лейтенант, стрел
бомбардир, 1919 года рождения, уроженец гор
Горький; Бейскбаев Бахтурас, младший сержант
воздушный стрелок-радист, 1920 года рождени
уроженец села Ильинское Ильинского района А
ма-Атинской области; Реутов Григорий Васил
вич, младший сержант, воздушный стрелок-р
дист, 1918 года рождения, уроженец села Кулаги
Покровского района Чкаловской области.

Очень хотелось посмотреть, как же выгля
официальная причина изменения формулировк
"пропавший без вести" на "погибший при вып
нении боевого задания". Нашел приказ ГУК С
№ 01542 от 22. 11. 51г. Он мне ничего не проясни
но дал ниточку в виде "Основания", которым зн
чилось "Донесение начальника 7-го отдела Упр
ления кадров ВВС СА № 1385622 от 12.10.51г.
Стал искать это донесение и нашел Акт № 3461
от 22. 09. 64 г. об уничтожении этого бесценно
документа. Сначала сильно расстроился, а пот
решил, что не надо доискиваться до того, кто, гд
почему и на что упал. Надо признать, что кажды
вылет тяжёлого бомбардировщика на боевое зад
ние без прикрытия истребителей равноценен пол
вигу Александра Матросова.

С этим рассказом и с предложением обратит
ся к Президенту СССР М. С. Горбачёву с ход
тайством о присвоении всем членам экипажа са

молёта А. С. Маслова звания Героя Советского Союза (посмертно) я и обратился 9 июля к 4-ой сессии Коломенского Совета народных депутатов. Сессия такое решение приняла. Теперь слово за президентом”

Передать решение сессии Горбачеву решили через своего народного депутата СССР – Владимира Яковлевича Стадника. Когда обращение к Президенту было нами подготовлено, решили спуститься этажом ниже (кабинет Стадника располагался на 5 этаже в доме №4 по проспекту Калинина) и показать наши материалы руководству наградного отдела при Президенте СССР. Принял нас зам. начальника отдела. Пожилой, очень симпатичный человек внимательно нас выслушал и очень вежливо нам объяснил, что в документах наших – одни эмоции, а документов, подтверждающих факты, совершенно недостаточно для возбуждения столь серьёзного ходатайства.

Стало ясно, что нужно снова ехать в Центральный Архив МО СССР и искать там тот самый документ, на основании которого экипаж Маслова из “без вести пропавшего” превратился в “погибшего при выполнении боевого задания”.

Вот как я описал дальнейший ход событий в своей заметке “Говорят документы”, опубликованной в коломенских “Известиях” №22 от 15. 08. 91 г.

“9 июля 4-я сессия Коломенского городского Совета народных депутатов приняла решение: “Обратиться к Президенту СССР т. Горбачёву М. С. с ходатайством о присвоении (посмертно) звания Героев Советского Союза членам экипажа самолёта ДБ-3Ф авиаполка 42 авиадивизии дальних бомбардировщиков Главного командования, со-

вершившего 26 июня 1941 года на окраине посёлка Радошковичи Молодеченского района Минской области огненный таран”.

С самого начала предполагалось, что решение сессии передаст Президенту наш народный депутат СССР Владимир Яковлевич Стадник. Как помощник Стадника стал готовить текст его обращения к Горбачёву и сделал для себя открытие: “А ведь кроме литературных источников, подтверждающих подвиг экипажа А. С. Маслова, у нас ничего нет”.

Убедившись по предыдущей поисковой работе в Центральном архиве Министерства обороны СССР, что маловероятно отыскать новые документы, отталкиваясь от самого Маслова, я возобновил поиск, ориентируясь на других членов экипажа.

Трудно описать всю гамму чувств, которые охватили меня, когда 5 августа я держал в руках донесение Радошковичского райвоенкома подполковника Котельникова (исх. № 1486 от декабря 1951 года), в котором он писал:

“Настоящим сообщая, что при перезахоронении братских могил погибших воинов Советской Армии в Радошковичском районе обнаружены останки погибшего ст. сержанта Реутова Григория Васильевича...” (Дело №2-349-52. Лист 95).

Все точки над “і” расставляет ответ зав. административным отделом ЦК КП(б) Белоруссии Перепелицина на запрос подполковника Котельникова. Вот, что в нём сказано: “По восстановленной надписи на документе, хранившемся в пластмассовом футлярчике, который Вы обнаружили при вскрытии братской могилы около м. Радошковичи, было установлено, что данный документ принадлежит ст. сержанту Реутову Григорию Ва

сильевичу, рождения 1918 года, уроженец Чкаловской области, Покровского района, дер. Кулагино.

Последующей проверкой было установлено, что Реутов Г. В. проходил службу в должности воздушного стрелка-радиста в 42-й авиационной воздушной дивизии, 207 авиавоздушном полку и по данным отдела по учёту потерь Советской Армии значился пропавшим без вести 26 июня 1941 года, о чём данный отдел сообщил Ново-Сергиевскому райвоенкомату Чкаловской области 6 августа 1951 года за № 905146. По этим данным о Г. В. Реутове было так же установлено, что вместе с ним на самолёте были капитан Маслов Алексей Спиридонович (так написано в данном документе – Э. Х.), рождения 1907г., уроженец Московской области, Коломенского района, лейтенант Балашов Владимир Михайлович, рождения 1919 года, уроженец гор. Горького (ул. Краснофлотская, дом 92) и младший сержант Бейскабаев Бахтурас, рождения 1920 года, уроженец Алма-Атинской области, Ильинского района. Все эти товарищи, выполняя 26 июня 1941 года на самолёте ДБ-3Ф боевое задание командования полка, не вернулись в свой полк и командование полка, не имея никаких сведений о них, посчитало их без вести пропавшими” (“Дело №2-68-58. Листы 491 и 492.).

Вот теперь действительно слово за Президентом”.

ГКЧП ВСТАЕТ НА ПУТИ

Вскоре разразились известные августовские события, которые всё затормозили. И только 6 ноября 1991 года в четыре адреса (Горбачёву, Ельцину,

Назарбаеву и Шапошникову) ушло ходатайство о присвоении звания Героя Советского Союза (посмертно) всем четверым членам экипажа А. С. Маслова.

Очень быстро среагировал аппарат Президента РСФСР. Вот какой ответ пришел к Стаднику, ибо адресован он был заместителю министра кадров генерал-полковнику Роднову Ю. Н.: “Уважаемый Юрий Николаевич!правляю Вам ходатайство на имя Президента РСФСР Б. Н. Ельцина, поступившее от народного депутата СССР Стадника В. Я. по вопросу присвоения звания Героя Советского Союза (посмертно) четверым участникам Великой Отечественной войны 1941-1945г.г. – членам экипажа самолета капитана А. С. Маслова. Комиссия по государственным наградам рассмотрела ходатайство и поддерживает его...”

Больше никто среагировать не успел. Союз распался! Мы со Стадником оказались безработными.

ОРДЕН ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Но, я не привык останавливаться на полпути. Я привык раз начатое дело доводить до конца. Потому 25 февраля 1992г. от своего имени отправил в адрес Президиума Верховного Совета России письмо следующего содержания:

“10 июля 1991 года сессия Коломенского городского Совета народных депутатов приняла решение “О возбуждении ходатайства о присвоении звания Героя Советского Союза (посмертно) члену

нам экипажа самолёта капитана Александра Спиридоновича Маслова”.

Предварительные консультации с руководством наградного отдела при Президенте СССР вынудили не спешить с представлением имевшихся материалов Президенту, а попытаться отыскать, казалось бы, навсегда, утраченные документы. И документы такие (донесение Радошковичского райвоенкома и письмо зав. административным отделом ЦК КП(б) Белоруссии) в центральном архиве МО СССР мной были найдены. После этого народный депутат СССР по нашему 33-му Коломенскому избирательному округу В. Я. Стадник направил копии всех материалов М. С. Горбачёву, Б. Н. Ельцину, Н. А. Назарбаеву и Е. И. Шапошникову. Оперативнее всех отреагировали Вы, направив, полученные от Стадника материалы, зам. министра обороны СССР по кадрам. Известные события остановили ход этого дела. Но остановка хода истории недопустима. 74 года у России была общая с другими республиками бывшего СССР история. И она (история) должна продолжаться, воздавая всем по истинным заслугам в общем прошлом. Одним из проявлений этого должно стать продолжение присвоения звания Героя Советского Союза (особенно – отдавшим жизнь за общую Родину) за подвиги, совершенные при защите интересов народов СССР. Для осуществления этого я хотел предложить создать из представителей Республик бывшего СССР Межгосударственный Комитет по наградам СССР. Прочитав в газете “ИЗВЕСТИЯ” за 24 февраля 1992г. Указ Президента Российской Федерации “О гражданах Российской Федерации награжденных наг-

радами Союза ССР” с удовлетворением ув
что Вы всё уже продумали.

Представляю Вам материалы о героиче
гибели экипажа самолёта капитана Маслова
и прошу добиться присвоения всем его чл
звания Героя Советского Союза (посмертно)

С уважением Э. В. Харит

PS. Чиновники из МО СССР считают не
занным факт огненного тарана экипажем сам
капитана А. С. Маслова. Видимо их социал
казак выполнял писатель Н. М. Акалович, к
своей книге “Они защищали Минск” написа
дующие, очень разные по смыслу, но один
недоказуемые строки:

“Сейчас никто не сможет воспроизвести
говор командира корабля (это Акалович на ст
пишет о Н. Ф. Гастелло) с членами экипажа |
тем, как принять окончательное решение. И
что члены экипажа, имея возможность вос
зоваться парашютом, предпочли остаться
лающей машине, говорит о многом. Это з
что решение было не только командира корабля

И вот, что написано на стр. 190: “В тот же
у Радошкович произошел ещё один бой. Фа
ская колонна с танками, бронетранспорте
автомобилями с пехотой, двигавшаяся с з
к Радошковичам, была атакована лётчикам
на, которое возглавлял командир третьей эск
льи 207-го бомбардировочного полка ка
Александр Спиридонович Маслов. Враг вст
бомбардировщиков ураганным артиллерийс
пулёметным огнём. От прямого попадания:
ряда *погиб* (выделено мной) капитан Масло

бомбардировщик с бомбами врезался в одну из артиллерийских позиций гитлеровцев”.

Всё ясно. В одном случае (Гастелло) самолёт “врезался в группу фашистских танков” по решению экипажа (не ясно только почему Героем стал один Гастелло?), а в другом (Маслов) – бомбардировщик с бомбами врезался в одну из артиллерийских позиций гитлеровцев” по воле Бога, т.к. командир был мёртв (по мнению писателя Акаловича). Поэтому Гастелло – Герой, а Маслов – пропавший без вести.

Два вопроса военным бюрократам:

Почему в сквере посёлка Радошковичи захоронили (как потом оказалось) останки экипажа самолёта А. С. Маслова и установили памятник Н. Ф. Гастелло?

Почему на современном памятнике (у развилки дорог на окраине поселка Радошковичи, в непосредственной близости от места героической гибели экипажа самолёта А. С. Маслова) экипажу самолёта Н. Ф. Гастелло написано, что он установлен на месте героической гибели?

Ответ на оба вопроса один: произошла трагическая ошибка, которую можно и нужно исправить. И чем скорее членам экипажа самолёта А. С. Маслова будет присвоено звание Героев Советского Союза (посмертно), тем скорее прекратятся попытки поставить под сомнение подвиг экипажа самолёта капитана Н. Ф. Гастелло (Я бы и членам экипажа Гастелло присвоил звание Героев, и сделал бы это одним Указом с присвоением этого звания членам экипажа Маслова)”.

Не знаю точно, но думаю, что именно как реакция на это мое обращение: 29 мая 1992 года на имя председателя Коломенского городского Совета

народных депутатов из Главного Управления кадров Министерства обороны пришло письмо следующего содержания:

“В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 года Главнокомандующий Объединенными Вооруженными Силами СНГ (приказом №43 от 27 апреля 1992 наградила орденом Отечественной войны 1 степени (посмертно) членов экипажа самолёта ДБ-3Ф в экипаже капитана Маслова А. С., лейтенанта Балашова Владимира Михайловича, младшего сержанта Бейсбаева Бахтураса, капитана Маслова Александра Спиридоновича, старшего сержанта Реутова Григория Васильевича.

Данное награждение произведено по ходатайству народного депутата СССР Стадника В. Я. 4-й сессии Коломенского городского совета народных депутатов”.

Это был удар ниже пояса. За один и тот же подвиг – дважды не награждают, а с такой наградой мы согласиться не могли.

Поэтому я подготовил письмо на имя Президента России Б. Н. Ельцина, которое за подписью председателя Коломенского горсовета было направлено 8 июля 1992 года. Вот о чём я писал:

“10 июля 1991 года сессия Коломенского городского Совета народных депутатов приняла решение “О возбуждении ходатайства о присвоении звания Героя Советского Союза (посмертно) членам экипажа самолёта капитана Александра Спиридоновича Маслова”. Это решение, через народного депутата СССР по 33-у Коломенскому избирательному округу В. Я. Стадника с соответствующими документами, было направлено В

(исходящий №348 от 6. 11. 91 г.), М. С. Горбачёву, Н. А. Назарбаеву и Е. И. Шапошникову.

Комиссия по государственным наградам Президиума Верховного Совета РСФСР, рассмотрев направленные Вам материалы, поддержало наше ходатайство, уведолив об этом, зам. министра обороны СССР по кадрам (Исх. №10-126 “Д” от 20.11.91 г.).

Бывший помощник народного депутата СССР Э. В. Харитонов 25 февраля 1992 года все материалы по данному вопросу отправил в Президиум Верховного Совета России (материалы получены секретариатом общего отдела Верховного Совета 27.02.92 г. по квитанции №337). Ответа он не получил.

А 29. 05. 92 г. в адрес Коломенского горсовета из Главного управления кадров МО СССР пришло сообщение о том, что Главнокомандующий Объединенными Вооруженными Силами СНГ (приказом №43 от 27. 04. 92г.) наградил (посмертно) членов экипажа А. С. Маслова орденами Отечественной войны 1-ой степени.

Такое решение совершенно неадекватно совершённом Подвигу и не соответствует духу и букве ходатайства депутата Стадника и горсовета.

26 июня – годовщина героической гибели экипажа самолёта нашего земляка капитана А. С. Маслова. От имени Коломенского городского Совета народных депутатов прошу рассмотреть вопрос о присвоении звания Героев (посмертно) Александру Спиридоновичу Маслову и всем членам его экипажа”.

Через месяц после этого я получил письмо из Государственно-правового управления Президен-

та Российской Федерации следующего содержания:

“Уважаемый Эдуард Васильевич!

Мы разделяем ваше желание добиться жеста справедливости по отношению к героическим подвигам тех, кто ковал Победой своей жизни отстаивал независимость Отва, гордимся вместе с Вами их подвигами, с манием относимся к Вашей просьбе, но, к лению, не имеем возможности положительн шить её.

Это связано с тем, что в настоящее вр связи с упразднением союзных структур госу твенной власти утратил силу ряд нормативнь тов по награждению государственными награ бывшего СССР, в том числе и о присвоении зв Героя Советского Союза.

В соответствии с Указом Президента Рос ской Федерации от 20 февраля 1992 года “О г данах Российской Федерации, награжденных г дарственными наградами Союза ССР” участ кам Великой Отечественной войны сегодня тол вручаются те госнаграды СССР, которыми, б были награждены ранее, но по различным п чинам своевременно их не получили.

Членам экипажа самолёта капитана А. С. М лова не может быть присвоено (посмертно) и з ние Героя Российской Федерации, так как оно п сваивается за героические подвиги, совершённ только после принятия Закона Российской Фед рации от 20 марта 1992 года “Об установленн звания Героя Российской Федерации”.

Представление о награждении членов экипаж находится в Главном управлении кадров Мини терства обороны Российской Федерации и к ра

смотрению данного вопроса, возможно вернуться после принятия Верховным Советом Российской Федерации нового наградного законодательства России”.

Оставалось ждать “принятия Верховным Советом Российской Федерации нового наградного законодательства России”.

Пауза затягивалась. Появилась возможность переосмыслить своё отношение к награждению членов экипажа Маслова орденами Отечественной войны.

Так как награждение на основании Указа от 11 марта 1985 года уже предполагало награждение не за подвиг, а за участие Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г. Я решил организовать вручение орденов родственникам награжденных, сам факт вручения превратить в акт возбуждения общественного мнения.

Цитировавшееся ранее письмо из Главного управления кадров МО СССР заканчивалось словами: “Прошу Вас через ветеранов 207 авиационного полка 42 авиадивизии, активистов поиска участников Великой Отечественной войны 1941-1945г.г. установить родственников всех погибших членов экипажа, места их жительства и сообщить эти сведения в Главное управление кадров для принятия решения о передаче указанных наград в семьи погибших”.

Этот текст я считал и считаю находящимся не в ладах со здравым смыслом. Откуда у председателя Коломенского горсовета ветераны 207 авиаполка? Какое дело коломенским активистам до уроженцев Нижегородской, Оренбургской и Алма-Атинской области? Кому, как не Главному управлению кадров МО СССР организовать бы эти поиски?

Но приходилось считаться с реальн
Нужно было действовать самому! Собрал
кументы и поехал в Москву – в Центральнь
Советской Армии. Дошел до руководств
выслушан авиационным генералом. Сказал
всего лишь нигде не работающий майор-ин
в отставке. Абсолютно частное лицо. Просил
у меня собранные мной документы и зак
начатое мной дело. Мне очень “помогли” со
обратиться в Российский комитет ветерано
ны. Ощущение было мерзко-пакостное. Хот
все бросить и заняться внуками и садом
родом. Но, опять взяло верх чувство личной
данской ответственности за все, что твори
Стране.

26 ноября 1993 года отправил письмо в
сийский Комитет ветеранов войны. В начал
ротко описал суть дела, а закончил письмо
“Для передачи наград в семьи погибших
ходимо установить и сообщить в Главное у
ление кадров МО РФ адреса родственников
гибших. Прошу Вас взять эту заботу на себя
сообщить мне адрес Совета ветеранов 42-ой а
дивизии”. Ответ не заставил себя долго жда
опять оставил меня один на один с моим чувств
гражданского долга и с моей майорской пенс

ЭКИПАЖ КАПИТАНА МАСЛОВА ДОСТОИН ЗВАНИЯ ГЕРОЕВ

С надеждой, что родственники могут откл
нуться, решил обратиться в федеральные СМ
Стал стучаться в центральные “Известия”, в ж

нал “Вопросы истории” и на центральное телевидение.

Первыми проявили понимание существа и важности проблемы “Известия”, опубликовав в номере от 27 января 1994 года мою заметку под заглавием: “Экипаж капитана Маслова достоин звания Героев”. Вот её содержание:

“26 июня с аэродрома в Боровском, что под Смоленском, поднялся на выполнение боевого задания 207-й авиаполк 42-й авиационной дивизии дальних бомбардировщиков. Командиром 4-й эскадрильи был Николай Францевич Гастелло, а 3-ю вел в бой капитан Александр Спиридонович Маслов. Из боя не вернулись два экипажа. Об “огненном таране”, совершённом капитаном Гастелло, знает весь мир. В 1951 году в связи с десятилетием подвига Гастелло было решено перенести останки членов экипажа самолёта от места гибели в сквер в центре поселка Радошковичи. При перезахоронении был обнаружен пластмассовый патрончик с документами, принадлежащим ст. сержанту Григорию Васильевичу Реутову – воздушному стрелку-радисту самолёта А. Маслова.

В результате все четыре члена экипажа Маслова, считавшиеся “пропавшими без вести”, стали “погибшими при выполнении боевого задания”. Но главное стало очевидно, что подвиг, который зовется “подвигом Гастелло”, совершил экипаж капитана Маслова!

27 апреля 1992 года приказом главнокомандующего Объединенными вооруженными силами СНГ они были награждены орденами Отечественной войны 1 степени: капитан А. Маслов, лейтенант В. Балашов, мл. сержант Б. Бейскбаев и ст. сержант Г. Реутов. Такое решение вызывает удивле-

ние: ведь 26 июля 1941 года Президиум Верховного Совета СССР назвал действия лётчиков подвигом и присвоил им звания Героев”.

К сожалению, при подготовке моей заметки к печати в последнюю фразу вкралась опечатка, исказившая весь смысл.

У меня она звучала так: “ведь 26 июля 1941 года Президиум Верховного Совета СССР фактически назвал их действию подвигом и достойным званием Героев, присвоив это звание капитану Гастелло”

11 апреля 1994 года о Подвиге экипажа капитана А. С. Маслова удалось рассказать по 1-ой программе телевидения в передаче “Ты помнишь товарищ!”.

Очень жаль что оба “выстрела” оказались хлостыми. Не последовало никаких откликов.

Журнал “Вопросы истории”, приняв материал публикации, печатание затянул.

И пришлось мне от штурма перейти к долговременной осаде.

Начал сам искать родственников. И начал, естественно, с родственников Маслова. Нашёл двух сестёр, племянницу и племянников. Нашёл дочку Ирину с внуком Александром и внучкой Мариной

УЛИЦЕ – ИМЯ МАСЛОВА

25 июля 1991 года коломенские “Известия” опубликовали мою заметку под заглавием: “Улице – имя Маслова”. Вот что я тогда писал: “Странные (гомосоветикус) люди. Объявили человека Героем, и мы готовы в каждом городе назвать его именем улицу, школу, колхоз; поставить ему в каждом перекрестке памятник.

Но вот наш земляк, дышавший одним с нами воздухом, ходивший по одним с нами улицам, совершил тот же, что и Герой, подвиг, но назван не Героем, а “не вернувшимся с боевого задания”, и он для нас как бы и не существует.

Ленинградцы возвращают своему городу изначальное имя Святого Петра, краснодарцы ставят памятник Лавру Корнилову, а коломенцы как в ледяном снеге пребывают – вроде и дышат, но на реальную действительность не реагируют. Главная улица у нас – улица Октябрьской революции; главные площади – одна – Советская, другая – имени 2-х революций; есть у нас улица Фридриха Энгельса, Карла Маркса, Карла Либкнехта, Ленина и Ленинская, Свердлова, Калинина, Кирова, Дзержинского, Фрунзе... Но нет у нас улицы Маслова.

У меня три предложения.

Первое – вернуть старым улицам их исконные исторические названия.

Второе – новые улицы не называть именами людей, никогда не бывших в Коломне и не имеющих к ней никакого отношения.

Третье – Коломна строится и расширяется, в ней появляются новые улицы. Я предлагаю прямо сейчас, по генеральному плану застройки города определить место, где появится ближайшая новая улица, и на месте будущего дома №1 установить камень с памятной плитой, на которой написать, что улица эта будет носить имя капитана А. С. Маслова и коротко описать его жизнь и Подвиг”.

Прошло после той публикации три года – коломенцы так и не проснулись. Никакой реакции на мои предложения. Я, как таран, без чьей помощи не смогу (кроме помощи такого же, как и я ,

лица – Володи Стадника) пробивал вопрос с педачей родственникам на хранение ордена Очественной войны I степени, которым посмерт был награждён Александр Спиридонович Масл

Добиваясь решения вопроса об увековечен памяти Маслова через наименование одной из ул города его именем, пришел на пленум Коломского совета ветеранов и внёс там это предложение. Реакции никакой!

Не хочется рассказывать, к каким методам давления на власть города я прибегал, но все-таки добился поддержки заместителя главы администрации города Сергея Владимировича Зацепи. Спасибо ему!

Никто в городе (кроме родственников – естественно) не поздравил меня с моим 60-тием. Но, под моим прессингом именно в этот день – 12 мая 1994 года глава городской администрации Валерий Иванович Шувалов подписал постановление №474 “Об увековечении памяти капитана Маслова А. С., коломенца, Героя Великой Отечественной войны”, которым принималось решение о присвоении одной из улиц города имени Маслова

На следующий день газета “Коломенская правда” на второй странице поместила портрет капитана Маслова и большую мою заметку заглавием: “Вечная им Слава”. Заметке был послан небольшой редакционный текст:

“14 мая в Коломне родственникам нашего земляка героя Великой Отечественной войны лётчик-бомбардировщика капитана Александра Спиридоновича Маслова в торжественной обстановке будет вручена государственная награда – орден Отечественной войны I степени. Этот волнующий

исторический момент зафиксирует Центральное телевидение.

Несколько лет назад наша газета рассказывала о подвиге капитана А. С. Маслова, совершившего на четвертый день войны огненный таран. Сегодня мы предоставляем слово майору-инженеру в отставке Э. В. Харитонову, нашедшему в архивах немало интересных документов”.

Моя статья начиналась так: “Всего один год остался до 50-летия Победы в Великой Отечественной войне. Целых 53 года уже прошло с того дня, как не вернулся с боевого задания экипаж самолёта капитана Александра Спиридоновича Маслова.

Рождается третье поколение людей, не знавших войны, а потому не знающих истинной цены мира.

Почему и через 50 лет мы должны праздновать День Победы? Мы должны это делать потому, что День Победы – это день окончания кровавой “жатвы”, день окончания жертвоприношения, уже унесшего десятки миллионов жизней.

Почему надо говорить о том, что было 53 года назад? На этот вопрос можно ответить словами великого немца Гёте. Он сказал:

“...об истине надо говорить и говорить без устали, ибо вокруг нас снова и снова проповедуется ошибочное, и вдобавок не отдельными людьми, а массами. В газетах и энциклопедиях, в школах и университетах ошибочное всегда на поверхности, ему уютно и привольно оттого, что на его стороне большинство”.

Далее я рассказал обо всех своих находках и всех трудностях на пути к истине. А закончил статью так “Пятидесятый год мы живем в мире, за который 53 года назад отдали свои молодые жизни

капитан А. С. Маслов с товарищами. И память требует, чтобы мы к этому относились так, завещал Лев Толстой. А он писал: “Этот мир шутка, не юдоль испытания и перехода в мир. ший, вечный, а этот мир, тот, в котором мы сейчас живем, это один из вечных миров, который красен, радостен и который мы не только можем должны нашими усилиями сделать прекраснее и радостнее для живущих с нами, для всех, кто после нас будет жить в нем”.

ОРДЕН ПЕРЕДАН ДОЧЕРИ

И наступил день 14 мая 1994 года. Этот войдет (должен войти) в историю древней Коломны тем, что в этот день впервые материализовано признание власти предержащими еще не велика, но героической гибели одного из достойных сынов, богатой ратной историей коломенской земли.

В городском музее Боевой славы собрались родственники капитана Маслова, ветераны войны. Приехала из Минска дочь Александра Спиридоновича – Ирина Александровна Гусева. Именно ей и был передан на хранение орден Отечественной войны I степени.

Вот когда уместно напомнить слова священника Александра Меня о том, что “истина не та вещь, которая дается легко”.

Легко понять, через какие тернии мне пришлось продираться, если я скажу, что военный комиссар Коломны не захотел вручать орден Отечественной войны I степени в Коломенском райвоенкомате мне (я тогда еще не был) вместе с удостоверением, не потребо-

же где-либо расписаться за него. Возьми! Отстань! И не путывай нас в эту историю!

Мне пришлось одеть свою майорскую форму, нацепить все значки и предстать перед родственниками и телевизионщиками ОРТ в качестве представителя Советской Армии.

При вручении ордена Ирине, я передал ей папку с копиями всех, добытых мной документов; коротко (для зрителей и телевидения) рассказал о подвиге экипажа капитана Маслова и закончил свое выступление словами: “В Святом Писании сказано: “ныне прославился Сын Человеческий, и Бог прославился в Нём; если Бог прославился в Нём, то и Бог прославит Его” (От Иоанна, гл. 13, ст. ст. 31 и 32). Перефразируя эти слова можно сказать: если человек прославил Родину, то Родина обязана прославить Его. Особенно большой долг Родины перед теми, кто прославил Её в тяжелую годину. Родина-Мать оказалось злой мачехой по отношению к верным Сынам Своим – членам экипажа капитана Маслова. И сейчас – этот орден – это не награда за Подвиг, а награда за участие в Великой Отечественной войне”.

22 июня 1994 года в программе “Ты помнишь товарищ!” до безобразия плохо был показан фрагмент торжества состоявшегося в Коломне 14 мая.

БОРЬБА ЗА ИСТИНУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

А через неделю пришел на моё имя ответ на очередное обращение к Президенту России. В письме, отправленном 10 мая 1994 года на имя Б. Н. Ельцина, я на полтора страничках изложил историю вопроса, а закончил её так: “7 июля 1992

года из вашего Государственно-правового управления в мой адрес было отправлено письмо, в котором есть такие слова: “Членам экипажа самолёта капитана А. С. Маслова не может быть присвоено (посмертно) и звание Героя Российской Федерации, так как она присваивается за героические подвиги, совершённые только после принятия Закона Российской Федерации от 20 марта 1992 года “Об установлении звания Героя Российской Федерации”.

6 мая 1994 года я узнал, что вами подписан Указ о присвоении звания Героя России нескольким участникам Великой Отечественной войны.

Я так понимаю, что пришла пора восстановить справедливость и по отношению к членам экипажа капитана Маслова”.

И приложил документы на 33-х листах. Ответ подписанный начальником отдела по государственным наградам Администрации Президента Российской Федерации, гласил:

“Уважаемый Эдуард Васильевич!

Ваше письмо, адресованное Президенту Российской Федерации, по вопросу присвоения звания Героя Российской Федерации членам экипажа самолёта капитана Маслова А. С. (посмертно) и поручению рассмотрено в отделе по государственным наградам.

Разъясняем, что в соответствии с действующим законодательством награждение государственными наградами по личным просьбам граждан не производится.

Представления к награждению государственными наградами вносятся Президенту Российской Федерации руководителями федеральных органов государственной власти, руководителями органов

исполнительной власти республик, краев областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов.

Представление к награждению бывших военнослужащих за боевые отличия в годы Великой Отечественной войны на имя Президента Российской Федерации вносятся Министерством обороны Российской Федерации.

В связи с изложенным, Ваше письмо с архивными материалами направлено для рассмотрения и заключения в Министерство обороны Российской Федерации с просьбой представить установленным порядком необходимые документы для рассмотрения на Комиссии по государственным наградам при Президенте Российской Федерации.

Результат рассмотрения Вам будет сообщён дополнительно”.

Из этого письма я сделал два вывода:

Во-первых, одному мне путь к истине не одолеть. Нужно искать помощников.

Во-вторых, помощников нужно искать среди тех, кто имеет право вносить представления к награждению и таких, чтобы военных все же обойти. Взять их с тыла.

Я хорошо помнил слова Ленина – “Нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики”. Но, одно дело – “большевики”, а другое дело я! А потом, бюрократизм военного ведомства представлялся мне уже (после 4-х приступов) крепостью почти не приступной.

О двух встречах с военными чиновниками я уже упоминал: эта встреча с руководством Центрального дома Советской Армии и Российского Комитета ветеранов войны; и эпопея с вручением

ордена Отечественной войны. Были и ещё два эпизода:

10 мая 1994 года я приехал в Останкино для окончательного согласования с режиссером Юрием Петровичем Сальниковым деталей (сценария предстоящих 14 мая съемок в Коломне. А он заводит старую песню – “А куда девался Гастелло?” В который раз предлагаю оставить Гастелло в покое. Пытаюсь объяснить, на мой взгляд, простую мысль: если тогда, в 1941 году, с боевого задания не вернулись два экипажа, и про один решили, что он совершил подвиг, а про второй, сколько не бились, ничего выяснить не смогли (без вест пропавшим экипаж Маслова объявили лишь в 1942 году), то нет смысла сейчас что-либо выяснять про второй экипаж (а в его роли теперь оказался экипаж Гастелло). Можно найти останки (если экипаж погиб), но, если изначально, не было найдено свидетелей второго подвига, то сейчас им некуда взяться. Может быть, второй экипаж погиб даже более героически, но что же делать, если свидетели только у одного подвига самопожертвования!

Присвоено Гастелло звание Героя Советского Союза (посмертно); награждены через 20 лет после гибели (а сразу не были награждены ни чем орденами Отечественной войны 1 степени остальные три члена экипажа Гастелло. Скорее всего, они погибли. Отдали жизнь за Родину! Хотите присоединиться к моему предложению присвоить с ним Указом звание Героев России всем членам экипажа Маслова и трём членам экипажа Гастелло? Присоединяйтесь! Не хотите? Оставьте в покое экипаж Гастелло!

Нет! Он (режиссёр) уже договорился, с каким-

генералом и маршалом авиации Скрипко о встрече. Куда то звонит и просит меня переговорить с одним из генералов (как я понял с тем, кто организовывал встречу с маршалом). Тот (генерал) уже мне предлагает оставить в покое Гастелло, но не на моих условиях; а на следующих: “Мы говорим об экипаже Маслова не как о том экипаже, который совершил тот самый “огненный таран”, за который Гастелло получил звание Героя, а как – экипаже, просто повторившем “подвиг Гастелло”. Я говорю, что так не пойдет! Повторивших “подвиг Гастелло” – много! Его совершали и до Гастелло! И нет законных оснований для присвоения им всем звания Героев.

А генерал мне в ответ: “Вы свою версию основываете на том факте, что в братской могиле, считавшейся местом захоронения останков членов экипажа самолёта Гастелло, оказался документ, принадлежавший одному из членов экипажа самолёта Маслова. Но может быть, его кто-то подбросил в могилу Гастелло?!”

Я повесил трубку и сказал Юрию Петровичу, что ни с маршалом, ни с генералами я встречаться не буду, так как у меня не хватает нервов разговаривать с дураками.

Четвертый эпизод связан с лучшим другом моей юности Володей Макеевым. Вот как (с моих слов) это в статье “Два капитана” (“Известия” №16 за 28 января 1997г.) описал Эд. Поляновский: “У меня в детстве был самый-самый близкий друг – Володя Макеев. Мы четыре года сидели за одним столом в Коломенском станкостроительном техникуме. Меня считали вторым сыном в его семье, а его в моей – четвертым сыном.

С начало и до конца военной карьеры я сохранил все его 92 письма ко мне.

И вот он стал генерал-майором, начальником отдела пропаганды – зам. нач. политуправления ВВС СССР. Звоню как-то Владимиру Павловичу захожу вечером домой. Он рад безумно, сидим выпиваем. И тут я сказал про Маслова, что с званием Героя ничего пока не выходит.

Он мгновенно прищурился, глаза холодные стеклянные:

– Не позволим!!!

Я ушел. Он даже слушать не стал”.

Однако, как говорится “Закон – суров, но он закон”. Коли “Представление к награждению бывших военнослужащих за боевые отличия в годы Великой Отечественной войны на имя Президент Российской Федерации вносятся Министерством обороны Российской Федерации”, а они (Министерство обороны) простых слов не понимают, значит надо сделать так, чтобы им приказали. Приказы они пока понимают (иногда даже слишком хорошо). А так как приказать им может только Верховный Главнокомандующий, значит, задача ясна. Надо добиться того чтобы собранные мной материалы дошли лично до Президента.

Сначала попытался использовать простейший вариант. Отослал в центральные “Известия” мое обращение к Б. Н. Ельцину от 10 мая 1994 года просьбой опубликовать его в виде открытого письма.

Ответ не заставил себя ждать, и был краток: “Уважаемый Эдуард Васильевич!

Ваше второе письмо напечатать не сможет. Обращение к Б. Н. Ельцину, по сути, повтор уже опубликованного. Кроме того, газета своё дел

сделала, поставив под общественное внимание историю с экипажем капитана Маслова. Дальнейшее – за компетентными структурами. Будем надеяться вместе с Вами на положительное решение”.

Решил сосредоточиться на журнале “Вопросы истории”, рассчитывая на его международный авторитет. Но... Быстро сказка сказывается, да не скоро дело делается!

БАХТУРАС БЕЙСКБАЕВ

Так как один из членов экипажа Маслова – Бахтурас Бейскбаев – казах, решил попробовать подтолкнуть Президента Казахстана к принятию собственного решения, рассчитывая, что когда об этом станет известно в России, тронется лед и у нас.

14 февраля 1995 года отправил письмо Нурсултану Абишевичу Назарбаеву. Обращение к нему начал со слов: “В ноябре 1991 года в Ваш адрес было направлено письмо с пакетом документов. Так как нет уверенности, что оно до Вас дошло, вновь обращаюсь к Вам”. Далее коротко изложил суть дела. А закончил письмо так: “18 декабря 1994 года я ездил в Нижний Новгород (один из членов экипажа из Нижегородской области) для встречи с Б. Е. Немцовым. К сожалению, губернатор не нашел нескольких минут, чтобы принять меня.

С 1957 по 1959 год я проходил службу на одном из полигонов в Казахстане. С тех пор считаю Казахстан своей второй Родиной. В любое время готов встретиться с Вами. Подвиг нашего зем-

ляка Бахтураса Бейсекбаева в преддверии 50-летия Победы должен получить достойную оценку и с ним должны все знать”.

Ответ пришел в апреле из Управления кадров Министерства обороны Республики Казахстан. Вот его основная часть:

“Для принятия решения о восстановлении справедливости и увековечении памяти Бейсекбаева Б. убедительно просим Вас выслать в наш адрес копии всех имеющихся у Вас документов совершения тарана экипажем дальнего бомбардировщика ДБ-3Ф, членом которого был Бейсекбаев Б., так как сделать это на основании Вашего письма не представляется возможным”.

Хватаю папку с документами и мчусь в Москву – в Представительство Казахстана. Встречаю очень теплый прием. Передаю копию всех документов и жду. Жду до сих пор!

Нельзя воскресить ни одного Героя. Но, можно воздав должное Герою, увековечить Его имя! Что и сделано и продолжает делаться в Казахстане по отношению к Бахтурузу Бейсекбаеву!

В моих статьях, опубликованных в журнале “Вопросы истории” (№10 за 1996 год) и Казахской газете “Ковчег” (от 8 мая 1997г.) при написании имени и фамилии Бахтураса Бейсекбаева в скобках сказано: “Так в документе”. Так вот сегодня я рад сообщить, что в “документе” допущены некоторые неточности. А рад я тому, что при присвоении звания “Халық қаһарманы”, неточности устранены. И теперь я знаю, что Героя России и Казахстана зовут Бахтураз, а фамилия его – Бейсекбаев!

А ещё я узнал, что родился Бахтураз в семье крепкого середняка Бейсекбаева Шелпека. Семья

Шелпека была трудолюбива, а потому имела твердый достаток. Но, не в меру ретивые коллективизаторы в 1928 году “раскулачив”, пустили её по миру, оставив без всяких средств к существованию. Результатом этого варварства явилось то, что в 8-летнем возрасте Бахтураз оказался в детском доме. А, чтобы ретивые не достали его и там, как “члена семьи”, Бахтураза записали под отчеством старшего брата Несибелы. Из детского дома Бахтураз был взят на воспитание бездетной русской семьей. В 1937 году старший брат отыскал след Бахтураза и забрал его к себе в Баканас.

Там – в Баканасе Бахтураз начал свою трудовую деятельность, поступив на работу переводчика к корейцам-переселенцам. Но, заниматься мирным трудом ему довелось не долго. Уже в следующем 1938 году Бахтураза Бейсекбаева призвали на службу в РККА. И начался его путь к подвигу и в бессмертие!

(Совместными усилиями редакции газеты “Егемен Қазақстан” и корпорации “Атамұра” проведена поисковая акция, в результате чего в 2000 году была издана книга “Қаһарман Бахтыөраз”, написанная журналистом Мейрамбеком Толепбергеновым. – Изд.).

СПАСЕНИЕ

Отправив 14.02.95 г. письмо Назарбаеву, не сию сложа руки. Нахожу в Москве газету, с очень понравившемся мне названием “Спасение”, и передав ей, на мой взгляд, лучшую свою заметку о подвиге экипажа Маслова, жду спасения.

В № 12 (151) за март 1995 года эта заметка моя вышла свет под заглавием: “Не бывает героев “второго сорта”. Прошу прощения за неизбежные повторы, но не могу не привести здесь её содержание. Вот, что я тогда написал:

“В Святом писании сказано: “ныне прославился Сын Человеческий, и Бог прославился в Нем; если Бог прославился в Нем, то и Бог прославит Его...” (От Иоанна, гл. 13, ст. 31, 32).

Перефразируя эти слова можно сказать: “Если Человек прославил Родину, то Родина обязана прославить Его”. Особенно большой долг Родины перед теми, кто прославлял её в тяжелую годину.

26 июля 1941 года мир узнал о присвоении звания Героя Советского Союза (посмертно) капитан Н. Ф. Гастелло. Благодарная Родина прославила Гастелло за “огненный таран” совершённый месяцем раньше в районе белорусского поселка Родюшковичи. Никто, кроме узкого круга посвященных, не мог тогда догадаться, что, воздав за подвиг самопожертвования Николаю Францевичу, Родина не по-божески обошлась с тремя другими членами экипажа его дальнего бомбардировщика. Их имена на десятилетия были преданы забвению. И справедливость в отношении их не восстановлена до сих пор. В этом случае как в капле воды проявилось большевистское понимание справедливости, равенства и братства. Большевики считали “Если экипаж совершил подвиг, то командир достоин звания Героя, а члены экипажа – они только винтики”.

Я считаю оправданным, когда все почитатели Александра Маринеско настаивали на присвоении ему звания Героя Советского Союза. 800 лет назад Шота Руставели сказал: “Врага уничтожить – бес-

шая заслуга. А друга спасти – величайшая честь”. Подвиг Маринеско не только в том, что его экипаж потопил больше всех врага, а и в том, что его экипаж остался при этом цел. Случай с Гастелло другой. Совершив “огненный таран”, весь экипаж самолёта Гастелло погиб. Если считать, что, поскольку самолётом управлял его командир и что только он один шел сознательно на подвиг самопожертвования, то придётся признать его виновным в гибели боевых товарищей.

У командира, безусловно, должно быть право рисковать жизнями членов своего экипажа при выполнении боевого задания. Но, я думаю, ни один человек не имеет право распоряжаться жизнями других людей, задумав идти на собственный подвиг. Это был подвиг команды.

В феврале 1992 года, обращаясь к Верховному Совету России, я предлагал присвоить всем членам экипажа Гастелло звание Героев.

Как мне хотелось бы эту мою заметку прервать на этом месте. Но не могу. Не могу потому, что великий Гетё сказал: “... об истине надо говорить и говорить без усталости, ибо вокруг нас снова и снова проповедуется ошибочное, и вдобавок не отдельными людьми, а массами. В газетах и энциклопедиях, в школах и университетах ошибочное всегда на поверхности, ему уютно и привольно оттого, что на его стороне большинство”.

А истина состоит в том, что тот самый подвиг, который вошел в историю, как “Подвиг капитана Н. Ф. Гастелло”, совершил совсем другой экипаж – экипаж капитана Александра Спиридоновича Маслова.

Вот как это произошло: 26 июня 1941 года с аэродрома “Боровское”, что под Смоленском, под-

нялись в воздух все оставшиеся после первых дней боев самолёты 207-го авиаполка 42-ой авиадивизии дальних бомбардировщиков. Целью данного вылета было нанесение бомбового удара по танковой колонне немцев в районе поселка Радошковичи (в 40 километрах западнее Минска). Возглавляли ту группу друзья, комэски, капитаны А. С. Маслова и Н. Ф. Гастелло. В голове всей группы летел Маслов. Боевое задание было выполнено. Врагу был нанесен значительный урон. Наши потери были сравнительно невелики: всего два экипажа: это, наверное, можно объяснить тем, что истребители врага не подоспели, а зенитную батарею, прикрывавшую развилку дорог, удалось уничтожить именно тем “огненным тараном”.

Когда-то мы пели: “Смелого пуля боится, смелого штык не берет”. Я думаю, что это не так. При равном умении первыми в бою погибают самые смелые. Именно поэтому теми двумя экипажами Маслова и Гастелло. Гастелло тогда повезло, если можно так сказать о том, кто отдаст жизнь за Родину. Уже через месяц Родина оценила его, как истинная мать, и весь мир узнал о его подвиге. О членах его экипажа сказано выше. Родина по отношению к ним оказалась злой мачехой: О втором экипаже – капитана Маслова – мир не знает до сих пор, а 10 лет он вообще считался “пропавшим без вести”. Но ведь сказано: “Нет тайного, что бы не сделалось явным”. Истина обнаружилась совершенно неожиданно. Тогда 26 июня 1941 года у подвига были очевидцы из числа оставшихся в живых экипажей и двое местных жителей. Эти двое подобрали останки героического экипажа и предали земле на месте подвига. Те, что были на земле, естественно, не знали, чьи останки они зах-

ронили; а те, что доложили о подвиге, думали, что это был экипаж Гастелло.

В 1951 году, к 10-летию подвига, было решено произвести перезахоронение останков в центр Радошковичей к памятнику капитану Н. Ф. Гастелло. Но... При вскрытии могилы был обнаружен футлярчик с документам, принадлежащим старшему сержанту Реутову Григорию Васильевичу – стрелку-радисту самолёта капитана Маслова Александра Спиридоновича. Так стало ясно, что в пылу боя 26 июня 1941 года ведомые Гастелло не заметили, как был подбит и отвалил в сторону самолёт их командира, а объятый пламенем самолёт капитана Маслова, пошедший на второй заход для уничтожения (ценой жизни экипажа) зенитной батареи, подбивший их и угрожающей боевым друзьям, приняли за самолёт своего ведущего.

Результаты вскрытия братской могилы были доложены в ЦК КП(б) Белоруссии и МО СССР. Вот почему 22 ноября 1951 года (в день рождения Маслова) всем членам экипажа самолёта ДБ-3Ф, которым управлял капитан Александр Спиридонович Маслов, формулировка “пропал без вести” была изменена на “погиб при выполнении боевого задания 26.06.1941 года”. На большее тогдашнее руководство страны пойти не решилось. Видимо, слишком высоко ценили миф о своей “непогрешимости”.

Получив известия о происшедшем, вдова капитана Маслова – Софья Евграфовна стала ходатайствовать (не трогая имени капитана Гастелло) о присвоении её мужу звания Героя Советского Союза (посмертно). Её настойчивость и “принципиальность” власть имущих привели к тому, что

22.09.1964 года по акту №34651 в Центральном архиве МО СССР важнейшие документы в деле капитана А. С. Маслова были уничтожены.

В 1991 году мне посчастливилось отыскать эти документы в деле старшего сержанта Г. В. Реутова и доложить всю историю сессии Коломенского городского совета народных депутатов. (Александр Спиридонович родился и вырос в Коломенском районе, а вдова его до последних дней жила в этом городе). По моему предложению сессия приняла решения возбудить ходатайство о присвоении звания Героя Советского Союза (посмертно)

– лейтенанту Балашову Владимиру Михайловичу, уроженцу Нижегородской области;

– младшему сержанту Бейскбаеву Бахтурасу уроженцу Алма-Атинской области;

– капитану Маслову Александру Спиридоновичу, уроженцу Коломенского района Московской области;

– старшему сержанту Реутову Григорию Васильевичу, уроженцу Оренбургской области.

Ходатайство это было поддержано народным депутатом СССР по Коломенскому избирательному округу В. Я. Стадником и Комиссией по наградам Президиума Верховного Совета РСФСР, однако остается нереализованным до сих пор.

После того, как в феврале 1992 года все собранные мной документы были повторно направлены в Верховный Совет России, маршал Шапошников приказом №43 от 27.04.92 года награбил всех членов экипажа Маслова орденами Отечественной войны 1 степени. Коломенцы приняли эту награду не как награду за подвиг, а как награду за участие в Великой Отечественной войне. А сами (в лице городской администрации) не стали ждать

когда Родина воздаст героям должное, и приняли решение о присвоении новой улице города (а город строится и расширяется) наименование улица Капитана Маслова.

Вновь хотелось бы закончить, но как говорят англичане, “кто сказал “А”, тот должен сказать и “Б”. А “Б” заключается в том, что когда мы говорим “родина”, мы подразумеваем страну, в которой мы родились, а когда обзываем её “мачехой” или “неблагодарной” подразумеваем её руководителей. И руководители, безусловно, виноваты в том, что зачастую Родиной (страной) руководят не они, а их аппарат.

Передо мной копии трёх обращений к Президенту России (от 6.11.91 года, 9.06.92 года и 10.05.94 года) и копия обращения в Президиум Верховного Совета России от 25.02.92 года. Лежат передо мной и подлинники ответов. Они пришли:

в 1991 году из Комиссии по государственным наградам Президиума Верховного Совета РСФСР;

в 1992 году из Отдела по государственным наградам Государственно-правового управления Президента Российской Федерации;

в 1994 году из Отдела по государственным наградам Администрации Президента Российской Федерации.

И я уверен, что тот, кто должен принимать решения (а не только подписывать его), так и не знают о существовании данной проблемы. Попытка обойти аппарат (просил газету “Известия” опубликовать мое открытое письмо Б. Н. Ельцину – отказали; десять дней пытался дозвониться до помощника Президента – Льва Евгеньевича Суханова – не смог (отказал в одноминутном разго-

воре); 11 часов просидел в приемной Б. Е. Немцова (поскольку штурман в экипаже Маслова – из Нижегородской области) – не смог губернатор выкроить для разговора со мной нескольких минут). Сейчас жду реакции Н. А. Назарбаева. Так как один из членов экипажа – казах. Может быть, Президент Казахстана примет меня, ознакомится с документами и сам примет решения об увековечении памяти героя”.

ДУМА ПОМОГАЕТ

Чувствуя, что опять упираюсь в стену, еду (в который раз) к Владимиру Яковлевичу Стаднику. Понимаю сложность его положения. Это он организовал и оплачивал мою поездку к Немцову. За шахматной партией обсуждаем возможные дальнейшие шаги на неоконченном пути к истине. Решаем идти в Думу. Действуем через старого товарища – Гущина Виктора Викторовича. Он (в тот момент) – референт Сергея Калашникова – председателя думского комитета по труду и социальным вопросам. Через некоторое время Стадник сообщает мне, что Калашников готов помочь. Иду в Думу к Гущину. Подготовленное мной обращение к Президенту РФ (а просьба – доложить его лично Борису Николаевичу) он бракует начисто. Просит всё максимально сократить и убрать (или обойти) прямое противопоставление Гастелло. Сначала отказываюсь. Он не торопит. Просит посидеть, подумать. Нахожу такую формулировку: “Присвоить звания Героев России (посмертно) всем членам экипажа дальнего бомбардировщика капитана А. С. Маслова за то, что в одном и том же

бою, но несколько ранее, предвосхитили “огненный таран” капитана Н. Ф. Гастелло, направив свой, подбитый огнем зенитной батареи, самолёт в ту самую зенитную батарею”. Часа через три моей работы, Виктор Викторович одобряет оба подготовленных мной текста: один – от моего имени на имя С. Калашникова и И. Рыбкина (тогдашний спикер Думы по просьбе Калашникова дал согласие присоединиться к ходатайству перед Президентом); второй – обращение к Б. Н. Ельцину от имени И. Рыбкина и С. Калашникова.

После того, как оба текста были отпечатаны, я подписал первый и завизировал второй. Поблагодарил Гущина и поехал “терроризировать” В. Я. Стадника. Дело в том, что подписать то обращения к Президенту Рыбкин с Калашниковым согласились, а вот доложить лично Ельцину – это уж, сказали, Ваша забота!

Владимир Яковлевич начал действовать, а для меня потянулись дни мучительного бездействия и ожидания. В начале января 1996 года Володя сообщил мне долгожданную весть: “Ходатайство И. Рыбкина и С. Калашникова Президенту РФ доложено, и воспринято Б. Н. Ельциным положительно; и им (Президентом) дано поручение (приказано) Министру обороны РФ – Павлу Грачеву подготовить и к 22 января доложить представление о присвоении звания Героев России (посмертно) всем четверым членам экипажа самолёта капитана А. С. Маслова”.

Буквально на следующий день я это понял и сам, ибо был вызван в Коломенский райвоенкомат, где меня попросили дать “рыбу” для вышеуказанного представления, которую потребовал от них облвоенкомат. Просьбу я выполнил с удовольс-

твием, а на следующий день был уже в Москве у Стадника. Он связался с облвоенкоматом и Генеральным штабом. Они подтвердили полученную нами информацию, а мы ответили на их вопросы и прямо в Генштаб продиктовали ту “рыбу”.

Из-за опасения возможности включения противодействующих сил, решаем поднять “волну” в СМИ. Прежде всего, обращаемся на телевидение к Александру Николаевичу Крутову. Находим теплый прием, понимание и сочувствие. Договариваемся о съёмках в Коломне, как коломенцы чтут своего, пока ещё не признанного, земляка – Героя.

ЕСТЬ ТАКАЯ УЛИЦА – ИМЕНИ МАСЛОВА

Иду к поддержавшему уже меня однажды Сергею Владимировичу Зацепину – зам. главы Коломенской администрации. Напоминаю ему о том, что решение администрации №474 от 12 мая 1994 года о присвоении одной из улиц города имени Маслова до сих пор не выполнено. Он берёт машину и вместе со мной и главным архитектором города объезжает все городские новостройки. Останавливаем свой выбор на вновь застраиваемой частными домами улице примыкающей к шоссе, ведущему к родному селу Маслова.

В результате 08.02.96г. на свет появляется постановление городской администрации №96, в которой сказано: “Во исполнение Постановления главы администрации города Коломны №474 от 12.05.94г. “Об увековечивании памяти капитана Маслова А. С., коломенца, героя Великой Отечес-

твенной войны”. ПОСТАНОВЛЯЮ: Присвоить в городе Коломне новой улице в районе Городищ имя лётчика Маслова Александра Спиридоновича”.

23 марта 1996 года “Коломенская правда” опубликовала мою заметку под заглавием: “Есть такая улица – имени Маслова”. Заканчивается эта заметка такими словами: “В. И. Шувалов заверил В. Я. Стадника, что памятный знак на улице Маслова будет установлен вне зависимости от того, присвоят ли А. С. Маслову звание Героя России или нет. Глава администрации подчеркнул: “Капитан Маслов для меня Герой с той самой минуты, когда, будучи председателем городского Совета народных депутатов, я подписал решение о возбуждении ходатайства о присвоении ему этого высокого звания”.

Воистину ДОСТОЙНЫЕ СЛОВА!

А ещё 9 февраля 1996 года я отправил (вернее – отвез и передал из рук в руки Галине Дмитриевне Кузьминой – журналисту, подготовившему в печать мою заметку в январе 1994 года) в “Известия” письмо, содержание которого, по ниже публикуемым соображениям, должен здесь привести полностью:

“Редакции газеты “Известия”

27 января 1994 года Вы опубликовали мою заметку под заглавием “Экипаж капитана Маслова достоин звания Героев”.

В ближайшие дни Президентом РФ будет подписан Указ о присвоении звания Героев России членам экипажа Маслова. Обнародование Указа наверняка у многих вызовет вопрос: “за что?”. Думается, что именно Вы могли бы оперативно и подробно ответить на этот вопрос. Представляю Вам свой вариант ответа.

“РОДИНА ДОЛЖНА ЧТИТЬ СВОИХ ГЕРОЕВ”

Если посмотреть на карту боевых действий помещенную между страницами 40 и 41 второго тома “Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945” (Воениздат. Москва. 1961), то сразу бросается в глаза, что в направлении Минск немцы действовали совместными усилиями войск группы армий “Север” и группы армий “Центр”. На карте видно, что Минскую операцию немцы осуществляли 4-мя последовательными окружениями соединений наших 3-ей и 10-ой Армий Западного фронта. На карте видно, что внешнее (4-ое) кольцо окружения проходило через белорусский город Молодечно.

Уже на четвертый день войны создалась реальная угроза выхода подвижных войск врага в Минск.

В связи с тем, что 25 июня 1941 года нашим войскам Западного фронта было приказано отойти на рубеж Молодечно—Лида—Слоним—Пинск, начальник Генерального штаба сухопутных войск вермахта — генерал-полковник Ф. Гальдер 26 июня сделал в своем дневнике следующую запись: “На фронте группы армий “Центр” ощущается сильное давление противника, пытающегося вырваться из мешка в районе Белостока на северо-восток или на восток, что особенно чувствуется на направлении действий танковой группы Гота”. (Ф. Гальдер “Военный дневник”. Том 3. Книга 1, стр. 49). Помочь заставить немцев почувствовать на пятый день войны “сильное давление” и призваны были лётчики 207-го авиаполка 42-ой авиадивизии да:

них бомбардировщиков, базировавшихся под Смоленском, Именно в тот день 26-го июня 1941 года 207 авиаполку было приказано двумя группами самолётов нанести бомбовые удары по скоплению танков и подвижных войск немцев в районе посёлка Радошковичи Молодеченской области. Группы эти возглавили два друга, два комэска, два капитана Александр Спиридонович Маслов и Николай Францевич Гастелло.

Задание командования было выполнено. Врагу был нанесен значительный урон. Наши потери были сравнительно невелики – всего два экипажа. Не вернувшимися с боевого задания оказались экипажи капитана Маслова и Гастелло.

Гастелло тогда повезло, если можно так сказать о человеке, отдавшим жизнь за Родину: уже через месяц ему было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно), и весь мир узнал о его “огненном таране”.

О втором экипаже – экипаже капитана Маслова, мир не знает до сих пор, а 10 лет он вообще считался “пропавшим без вести”. Но ведь сказано: “Нет ничего тайного, что бы не сделалось явным”. Истина обнаружилась совершенно неожиданно. Тогда, 6 июня 1941 года, у подвига были очевидцы из числа оставшихся в живых экипажей и местные жители. Те, что были на земле, естественно, не знали, чьи останки они захоронили, а те, что доложили о подвиге – ст. лейтенант Воробьёв и лейтенант Рыбас, думали, что это был экипаж Гастелло.

В 1951 году, к 10-летию подвига, было решено произвести перезахоронение останков героического экипажа в центр Радошковичей к памятнику капитану Н. Ф. Гастелло. Но... при вскрытии моги-

лы был обнаружен футлярчик с документом, принадлежащим ст. сержанту Реутову Григорию Васильевичу – стрелку-радисту экипажа А. С. Маслова.

Так стало ясно, что в пылу боя 26 июня 1941 года ведомые Гастелло не заметили, как был подбит и отвалил в сторону самолёт их командира; а объятый пламенем самолёт капитана Маслова, пошедший на второй заход для уничтожения (ценой жизни экипажа) зенитной батареи, подбившей их и угрожавшей боевым друзьям, приняли за самолёт своего ведущего.

Результаты вскрытия братской могилы (в виду их сенсационности) были доложены в ЦК КП(б) Белоруссии и МО СССР. Вот почему 22 ноября 1951 года (в день рождения А. С. Маслова) всем членам экипажа самолёта ДБ-3Ф, который вел в бой (и на подвиг) капитан Маслов Александр Спиридонович формулировка “пропал без вести” была изменена на “погиб при выполнении боевого задания 26. 06. 1941 года”. На большее тогдашнее руководство страны пойти не решилось, видимо, слишком высоко ценило миф о своей “непогрешимости”.

Ныне истина восторжествовала в полном объеме... февраля 1996 года Указом №... Президент РФ присвоил звание Героев России (посмертно) всем четырем членам экипажа самолёта капитана Маслова:

- лейтенанту Балашову Владимиру Михайловичу, уроженцу Нижегородской области;
- младшему сержанту Бейскбаеву Бахтурасу, уроженцу Алма-Атинской области;
- капитану Маслову Александру Спиридоно-

вичу, уроженцу Коломенского района Московской области;

– младшему сержанту Реутову Григорию Васильевичу уроженцу Оренбургской области.

Слава и вечная память героям!

9 февраля 1996г.

Э. В. Харитонов,

майор-инженер в отставке”

И день, который мы с Владимиром Яковлевичем Стадником приближали, как могли – наступил!

ГЕРОИ – НАЗВАНЫ ПОИМЕННО. ПУТЬ К ИСТИНЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

8 мая 1996 года “Российская газета” в разделе “Документы” напечатала: “Указом Президента Российской Федерации №635 от 2 мая 1996 года за мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов, звание Героя Российской Федерации присвоено:

БАЛАШОВУ Владимиру Михайловичу – лейтенанту (посмертно)

БЕЙСКБАЕВУ Бахтурасу – младшему сержанту (посмертно)

МАСЛОВУ Александру Спиридоновичу – капитану (посмертно)

РЕУТОВУ Григорию Васильевичу – младшему сержанту (посмертно)”.

Свершилось!

Но никто ничего не знает о новых Героях. Кто такие? За что получили высокие звания?

Мы со Стадником В. Я. опять ставим перед собой две задачи:

нужно организовать вручение родственникам Золотых Звезд;

нужно популяризовать ПОДВИГ.

За первую задачу берется Володя, за вторую – я.

Уже 18 мая “Коломенская правда” на первой странице публикует большой портрет Александра Спиридоновича и мою заметку под заглавием: “Александр Маслов – Герой Российской Федерации”.

ГДЕ ЭТА УЛИЦА?

7 сентября та же газета “Коломенская правда” под заглавием “Где эта улица?” печатает мою новую заметку, которая начиналось так: “23 марта этого года “Коломенская правда” опубликовала мою заметку под заглавием “Есть такая улица – имени Маслова”. Сегодня я спрашиваю: где эта улица? Где тот памятный знак, об установке которого администрацией города принято решение ещё в мае 1994 года? Ни того, ни другого нет,..”. А заканчивалась эта моя заметка так: “Очень жаль, что Софья Евграфовна – вдова капитана Маслова – не дожила до того дня, когда её мужу, считавшемуся в 1941 году без вести пропавшим, присвоено заслуженное им звание Героя России. Интересно, доживет ли дочь героя до того дня, когда сможет пройти по улице, носящей имя её отца, и принести цветы к подножию памятника ему?”.

А в октябрьской 1996 года книжке журнала

“Вопросы истории” наконец-то увидела свет моя статья под заглавием “Правда, да не вся”.

ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА ГЕРОЯ РОССИИ ВРУЧЕНА ДОЧЕРИ ГЕРОЯ

Подошла пора вручать Ирине Александровне Золотую Звезду её отца. Это событие нам с Владимиром Яковлевичем представлялось столь значительным, что естественно хотелось сделать все, как можно более торжественно, и так чтобы Ирине было, что рассказать детям, и чтобы рассказ этот потом передавался из поколения в поколение.

В первую очередь хотелось, чтобы не повторилась ситуация с орденом. Хотелось, чтобы Золотую Звезду вручал кто-то очень авторитетный. Стали думать. Кто бы это мог быть? Первая мысль – Президент. Но есть и сомнения; во-первых, сомнительно – сможем ли организовать; во-вторых, есть сомнения и на счёт авторитетности. Какой он авторитет в таком деле после войны в Чечне?

Остановились на кандидатуре Германа Степановича Титова. Плюсы очевидны: космонавт №2, генерал-полковник авиации и к тому же депутат Государственной Думы по нашему Коломенскому избирательному округу. Начали переговоры с помощником. Принципиальное согласие получили сразу. Нам было поставлено только одно условие – должна быть бумага с поручением провести этот торжественный акт именно Г. С. Титову. Бумагу такую мы получили и стали договариваться о конкретном дне. Остановились на дне 18 октября 1996 года (этот день нам назвал представитель Титова в Коломне – Юрченко Вячеслав Федорович).

На этот день в Коломне было назначено торжественное собрание, посвященное 300-летию Российского Флота. В программе собрания первым пунктом значилось: “вручение ветеранам-морякам медалей 300-летия Российского Флота”. Медали должен был вручать тот, кого коломенцы послали в Думу представлять их интересы, т.е. служить им.

Зная, что дочь Маслова верующая, решили пригласить на торжество Митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия. Раньше я бывал у Владыки, поэтому поехал к нему сам. Митрополит сказал, что с удовольствием принял бы участие в этом торжестве, но именно 18 октября он к нам приехать не сможет, т.к. время его уже расписано и день этот уже занят, но представителя своего пришлёт обязательно. Я был очень расстроен, но понимал, что пришёл не вовремя.

Через несколько дней поехали с Владимиром Яковлевичем в Думу к Герману Степановичу утрясать детали. Сам народный избранник больше нескольких секунд (!) уделить нам не смог. Сказал, чтобы договаривались с его помощниками. А договариваться-то оказалось и не о чем. Оказалось, что “слуга” наш приглашен в качестве свадебного генерала в какие то эмираты, на какой-то салон, и ему поехать туда отдохнуть гораздо важнее, каких-то коломенских ветеранов (депутат забыл, что эти ветераны, кроме всего прочего, его избиратели) и какой-то дочери какого-то мёртвого Героя.

Да, жаль мне Германа Степановича!

Пришлось торжества провести поскромнее. Но получилось, может быть, даже лучше, чем могло бы. Вышло всё как-то теплее, по-семейному.

Всё, что я хотел сказать, сказал. Хорошо выступил Валерий Иванович Шувалов и священник —

отец Николай (в миру – Николай Иванович Качанкин). Золотую Звезду Героя передал на хранение дочери капитана Маслова военный комиссар Московской области полковник А. С. Семакин.

22 октября 1996г. “Коломенская правда” на первой странице под заглавием “Он обессмертил свое имя” напечатала, на мой взгляд, хороший отчет А. Ледовского и поместила три замечательные фотографии Ю. Имханицкого.

ДОСТОИН ВЕЧНОЙ ПАМЯТИ

Определенный и значительный этап на пути к Истине оказался пройденным. Не грех было передохнуть, чтобы двигаться дальше. А дальше предстояло решать те же две, чуть видоизменённые, задачи: во-первых, популяризация подвига экипажа капитана А. С. Маслова. Всё ещё остаюсь с тлеющей надеждой на то, что, может быть, услышит нас и отзовется хоть кто-то из родственников других членов экипажа.

Во-вторых, продолжение собственного поиска родственников с целью оказания им помощи (если потребуется) в вопросе получения на хранение наград. Ведь до сих пор очень сомнительно, что переданы на хранение не то что Золотые Звёзды, а и ордена Отечественной войны.

10 декабря 1996 года в “Коломенской правде” появилась моя очередная заметка. Она небольшая, но очень важная для перехода к серьезному разговору о моих встречах с известным “Известинским” журналистом Эдвином Поляновским. Вот её содержание:

“В ближайшие дни в московской газете “Известия” должна появиться статья Эд. Поляновского, посвященная подвигам лётчиков А. С. Маслова и Н. Ф. Гастелло. Я не знаю, что и как напишет о них известный журналист. Получив от меня материал, он очень заинтересовался, но на слова не поверил, и поехал в Белоруссию. Встретился там с дочерью нашего земляка А. С. Маслова Ириной Александровной Гурной, посетил все деревни вокруг того места, где 26 июня 1941 года героически погибли экипажи самолётов двух друзей, разговаривал со многими жителями, причастными к этой теме. После его возвращения мы встретились и решили вместе поработать в Центральном архиве Министерства обороны, чтобы подтвердить или опровергнуть собранные им материалы. К сожалению, нам не удалось ни то, ни другое.

Единственной приятной находкой был приказ № 01392 24 мая 1941 года народного комиссара обороны Союза ССР, подписанный заместителем наркома С. Будённым. Пункт 105-й этого приказа гласит: “Помощника командира эскадрильи 1 тяжелобомбардировочного авиационного полка капитана Маслова Александра Спиридоновича освободить от занимаемой должности и назначить (так в приказе – Э. Х.) командиром эскадрильи 207-го дальнебомбардировочного авиационного полка”. Следующий пункт того же приказа дословно повторяет 105-й, только вместо капитана Маслова в нем речь о капитане Гастелло Николае Францевиче. Удалось нам выяснить и прискорбный факт, объясняющий, почему в Центральном архиве Минобороны нет дела 207-го авиаполка. 18 августа 1941 года полк был расформирован, а в те дни было не до архива.

В 33 года наш земляк пошел на подвиг самопожертвования. 22 ноября – день рождения Героя Российской Федерации Александра Спиридоновича Маслова, на будущий год мы отметим его девяностолетие. Уверен, что все люди, сознательно отдавшие жизнь во имя жизни других, достойны уважения и вечной памяти”.

Когда писалось, вышеизложенная заметка, я, естественно, не знал, что конкретно напишет Эд. Поляновский. При нашей встрече с ним после его возвращения из поездки в Белоруссию, он передал мне копии (к сожалению не заверенные и таким образом как бы не официальные, но я в подлинность их верю) двух очень важных документов. В своей заметке от 10.12.96 г. я о них умолчал потому, что считал, что Эдвин обязательно их процитирует в своей статье, а отбирать у него право “первой ночи” на обнаружение добытых им документов не считал возможным.

Вся эпопея с проблемой “Маслов – Гастелло” началась с факта вскрытия братской могилы, считавшейся местом захоронения останков членов экипажа капитана Н. Ф. Гастелло. Было известно, что вскрытие проводилось в связи с приближавшимся “10-летием Подвига Гастелло” с целью перенесения останков в сквер в центре Радошковичей, где должен был быть установлен памятник Гастелло. Подробности же о том, кто был инициатором всего этого и, что этому предшествовало, мне не были известны.

И вот Поляновский передаёт мне копии двух документов.

Один адресован “Председателю исполкома Молодеченского областного совета депутатов труда-

щихся” и подписан директором Белгосмузея истории Великой Отечественной войны Шуцким. Чудо, но факт – документ подписан в день моего рождения – 12 мая 1951 года. Об одном подобном “чуде” я уже упоминал: постановление о присвоении одной из улиц г. Коломны имени Маслова подписан тоже в день моего рождения 12.05.94 г. Коли разговор зашел о “чудесах” скажу ещё об одном “чудесном” совпадении. Моя семья и семья Маслова (вдова с дочерью) приехали на жительство в Коломну в одном и том же 1944 году, а вскоре и жить стали по соседству.

Второй документ, составленный 1 апреля 1950 года, называется “Подтверждение” и начинается со слов: “Мы нижеподписавшиеся... жители дер. Декшняны”.

По-настоящему анализировать эти документы и делать на их основе какие-то выводы я стал позже, а потому и поговорим об этом ниже. Вернемся к хронологии событий.

27 декабря 1996 года в редакцию газеты “Аргументы и Факты” я отправил письмо следующего содержания:

“Уважаемая редакция!

Посылаю Вам уникальный Факт и Аргументы в его пользу. Уникальность факта состоит в том, что через 55 лет неопровержимо доказано, что тот самый огненный таран, совершённый на окраине белорусского посёлка Радошковичи, за который уже 26 июня 1941 года капитану Н. Ф. Гастелло было присвоено высокое звание Героя Советского Союза (посмертно), был совершён совсем другим экипажем. Уникальность, представляемого вам факта, состоит так же в том, что Указом №635 от 2 мая 1996 года Президент РФ присвоил звание

Героя Российской Федерации (посмертно) не одному командиру экипажа, как было в случае с Гастелло, а всем четырём членам экипажа.

Указ №635 опубликован 8 мая 1996 г. в “Российской газете”, но почти никому не известно за что же этим четверем погибшим воинам присвоено это высокое звание.

Аргументы опубликованы в журнале “Вопросы истории” №10 за 1996 год. Но журнал этот академический, имеет очень небольшой тираж и рассчитан на очень узкий круг читателей. Т. е. широкой общественности имена истинных Героев, остаются не известны.

Представляю Вам копии Указа №635 и моей заметки, опубликованной в журнале “Вопросы истории”. Считаю, что газете “Аргументы и Факты” сам Бог велел опубликовать и факт и аргументы.

В газетной публикации прошу первые 9 строк заменить на прилагаемое начало заметки. Прошу изменить и заглавие. Журнал мой материал принял к публикации тогда, когда шла борьба за Указ №635, и слова “Правда, да не вся” относились к “правде” об “огненном таране” Гастелло. Теперь, на мой взгляд, больше подошло бы что-то вроде “Народ должен знать своих Героев”.

Одновременно подобного содержания письмо я отправил своим друзьям в Алма-Ату с просьбой передать в редакцию какой-нибудь газеты.

ПОБЕДА И СЕЙЧАС – ОДНА НА ВСЕХ

“АиФ” – отмолчались. В Алма-Ате еженедельная газета “Ковчег”, выходящая под эпитафией: “Мы все – в одной лодке”, в №18 от 8. 05. 97 г. на

первой странице поместили четыре очень интересные фотографии участников Великой Отечественной войны и одну маленькую заметку под очень крупным заголовком: “ПОБЕДА и сейчас – одна на всех”.

Вот её содержание:

“В 52-й раз мы встречаем День Победы. Больше полувека прошло с того майского рассвета, когда отгремели последние залпы Великой Отечественной. Давно оплаканы погибшие, доживают свой век последние солдаты-победители...

Казалось бы, в историю уже трудно вписать не то что новую страницу, но даже новую строку. Но, тем не менее, каждый год открывает нам неизвестные прежде имена, судьбы, подвиги.

Вот и сегодня мы рассказываем о Бахтурасе Бейскбаеве (так в документе), казахстанце, погибшем на земле Белоруссии. Бахтурас родился в Илийском районе Алма-Атинской области, служил воздушным стрелком-радистом бомбардировщика. На четвертый день войны, 26 июня 1941 года командир экипажа Александр Маслов направил горящую машину в немецкую военную колонну.

На момент гибели младшему сержанту Бахтурасу Бейскбаеву исполнился 21 год.

Многие годы судьба этого героического экипажа находилась в забвении, заслоненная хрестоматийным подвигом Гастелло. Но история всё расставила по местам, и сегодня мы отдаём дань памяти Герою России, казаху, солдату Великой Отечественной”.

А на странице 20 “Ковчег” поместил фотокопию Указа №635 от 2 мая 1996 года и мою статью под

заглавием “Народ должен знать своих Героев”. В основе этой статьи была моя публикация в журнале “Вопросы истории”, но начало было другим. Вот оно: “Нам, современникам войн в Афганистане и Чечне, всё равно очень трудно представить себе весь ужас положения наших приграничных войск в первые дни войны СССР с Германией. Невозможно себе представить состояние сотен тысяч воинов, вчера певших песни о том, что ни пяди своей земли они не отдадут, а сегодня оказавшихся в тройном кольце окружения. Именно в таком положении оказались на четвертый день войны войска 3-й и 10-й наших Армий взятых в 3 кольца окружения западнее Минска танковыми группами Гота и Гудериана.

25 июня нашим окружённым войскам был дан приказ на выход из окружения в северном и северо-восточном направлениях. Эти направления проходили через Молодеченскую область, по которой проходила и северная дуга 4-го кольца окружения, которое должно было замкнуться в Минске, и замкнулось там уже 27 июня 1941 года. Трагизм наших войск усугублялся почти полным отсутствием поддержки с воздуха. Для оказания помощи нашим выходящим из окружения войскам и были 26 июня направлены два звена дальних бомбардировщиков 207 авиаполка 42-й авиадивизии из-под Смоленска к развилке дорог у поселка Радошковичи Молодеченской области. О каком выходе из окружения можно было говорить, когда немецкие танки рвались к Минску сплошным потоком. Только бомбовый удар, только хоть малое замешательство давали какой-то шанс на хотя бы малый успех”.

НАД РАДОШКОВИЧАМИ ЗАЖГЛИСЬ ЧЕТЫРЕ НОВЫЕ ЗВЕЗДЫ

Белорусская газета “РЭСПУБЛИКА” в №281 от 31.12.96г. на первой и второй страницах под заглавием: “Над Радошковичами зажглись четыре новые звезды, или Сенсация, о которой молчали почти полвека”, опубликовала фотографии из архива Ирины Гурной (дочери Маслова) и материал, подготовленный Владимиром Николайчуком. Публикации предпослан короткий редакционный текст: “Ещё 45 лет назад стало известно, что на месте, где, как считалось, покоились останки экипажа Героя Советского Союза Николая Гастелло, лежат совершенно другие герои. Но все эти годы власти предпочитали не признавать очевидного”.

Есть в этой публикации и несколько тёплых слов обо мне и даже несколько моих слов; но мне хочется процитировать главку, описывающую историю вскрытия могилы. Вот она:

“Вероятнее всего, и по сегодняшний день родные членов экипажа Маслова не знали бы, где покоятся останки их близких людей, если бы власти не задумали перезахоронить прах экипажа Гастелло. В том, что именно останки Гастелло, а также членов его экипажа Анатолия Бурденюка, Григория Скоробогатого и Александра Калинина собираются перенести из наспех вырытой когда-то могилы в центр поселка, не сомневались даже братья Дворецкие, которые тогда, 26 июня 1941 года утром, наблюдали за подвигом героического экипажа, а потом, под покровом ночи, собрали останки погибших лётчиков и, завернув в парашют, предали земле. А уж большинство собравшихся

на траурный митинг по поводу перезахоронения тогда, в 51-м не сомневались тем более. А потому, когда местный военком признал присутствующих почтить память не экипажа Гастелло, а капитана Маслова и его боевых товарищей, пришедшие на митинг были склонны считать, что военком “немного не того”.

Однако с военкомом всё было в порядке. При вскрытии могилы был обнаружен футлярчик с документом, принадлежащим старшему сержанту Григорию Васильевичу Реутову. А уж установить, что Г. Реутов служил стрелком-радистом в экипаже Александра Маслова, было, как говорится, делом техники”.

ДИАЛОГ ЭДУАРДА ХАРИТОНОВА С ЭДВИНОМ ПОЛЯНОВСКИМ

А тут как раз подоспела и статья Эд. Поляновского. В двух номерах газеты “Известия” за 28 и 29 января 1997 года напечатана была большая (почти на 2-е газетные страницы) статья Эд. Поляновского “Два капитана” с подзаголовком: “Горькая правда о Гастелло, гастелловцах и о многом другом”.

Получив 28 января первую часть статьи, я был очень доволен. Статья мне понравилась и, на мой взгляд, правильно освещала проблему – “Маслов – Гастелло”.

Продолжение статьи в номере за 29 января показалось написанным другим автором: показалось ложкой дегтя испортившей всю бочку меда.

Вот и пришла пора рассказать о моем знакомстве с Эдвином Поляновским. Маленький штрих:

с 1965 по 1979 год я, служа в Советской Армии, жил в Старой Руссе, т.е. на родине Поляновского. Заочное знакомство (мое с ним) состоялось в 1988 году, с его статей, посвященных Александру Маринеско. С тех пор я внимательно следил за журналистской деятельностью Эд. Поляновского и бережно храню в своем личном архиве все его публикации за 10 лет. Вплоть до рекламной “известинской” заметки, напечатанной под рубрикой “Подпишитесь на Поляновского” и появившейся на свет в день моего рождения – 12 мая 1998 года.

Очное знакомство состоялось в 1996 году. Както вечером у меня дома раздался телефонный звонок. Звонивший мне, представился журналистом “Известий” Эдвином Поляновским и сказал, что Галина Дмитриевна Кузьмина передала ему моё письмо в газету от 9-го февраля 1996 года и все мои материалы. И спросил, – не могу ли я с ним встретиться? Я был этим звонком несказанно обрадован и изъявил желание встретиться в любое время.

На следующий день я с утра на Пушкинской площади в проходной редакции “Известий”. Точно в назначенное время, ко мне подошел очень симпатичный, примерно моего возраста, мужчина и спросил: “Вы Харитонов?” Получив утвердительный ответ, представился – “Поляновский”. Я с огромным удовольствием пожал протянутую мне руку! Прошли к нему в кабинет, и начался разговор, затянувшийся до самого вечера.

Одним из первых был вопрос: “А куда делся Гастелло?”. Я ответил, что я этого не знаю и не только не хочу знать, но и ему не советую пытаться это узнать. Свою позицию я обосновал тем, что совсем не желаю развенчивания Николая Францевича Гастелло. А коли, сразу свидетели были

лишь у одного “огненного тарана”, и коли теперь (после перезахоронения в 1951 году) уже ясно, что совершил его экипаж самолёта капитана Маслова Александра Спиридоновича, то ни до чего определённого о Гастелло мы уже не сможем докопаться. А всякая дополнительная неопределённость, будет только бросать тень на экипаж, так или иначе, отдавший жизни за Родину. Я тогда обратил внимание Поляновского на то, что это не сиюминутное моё соображение, а глубоко продуманная и выстраданная позиция! И познакомил его с моим предложением, высказанным 25 февраля 1992 года в моем обращении к Президиуму Верховного Совета России одним Указом присвоить звания Героев членам экипажа Маслова и остальным членам экипажа Гастелло.

Эдвин со мной не согласился и сказал, что будет сам искать ответ на этот вопрос. И пока не выяснит судьбу Гастелло, писать о проблеме – “Маслов – Гастелло” не будет. И сразу стал решать вопрос о своей поездке в Белоруссию. Я настойчиво просил взять меня с собой. За свой счет я поехать не имел возможности, а у редакции (со слов Поляновского) на оплату моей поездки нет денег. Он поехал один.

После его возвращения мы встретились вновь. Эдвин рассказал мне о своей поездке и своих находках, передал мне копии двух документов, полученных им в Белгосмузее истории Великой Отечественной войны. Встречался он с большим количеством людей, причастных к проблеме и узнал о том, что в одном из донесений о гибели экипажа Гастелло, якобы есть сведения о том, что один из членов экипажа (кто не известно) покинул самолёт с парашютом, предположительно, Скоробогатый.

Поляновский предложил мне поехать на следующий день вместе с ним в Подольск и попытаться найти там это донесение. Мы так и сделали.

И вот я держу в руках копию этого уникального документа. Во второй части своей статьи “Два капитана” Эдвин процитировал этот документ. Мне представляется, что этот документ представляет собой мину замедленного действия, которая ещё не взорвалась, но обязательно взорвется. Я буду к нему ещё возвращаться, поэтому приведу его здесь в газетном изложении:

“ВВС Западного фронта.

Опись 2589, д. 374, лист 13.

Именной список безвозвратных потерь начальствующего и рядового состава 42-й авиадивизии с 22 июня по 28 июня 41 г.

Штаб 42 АД. Исх. №42 от 28.06.41г.

Гастелло, Бурденюк, Скоробогатый, Калинин.

Примечание: один человек из состава этого экипажа выпрыгнул с парашютом с горящего самолёта, кто – неизвестно.

Пом. Нач. отд. строевого и кадров 42 АД старшина Боков”.

Прочитывая этот документ Эд. Поляновский поставил всего один вопрос (на мой взгляд, – совсем неуместный): “Почему донесение написано лишь 28-го на третий день?”

Так и хочется спросить Эдвина: Что значит “лишь”? Сначала полк послал донесение в дивизию. Это в лучшем случае, было 27-го числа. А уж потом дивизия, собрав сведения со всех полков, отправил донесение выше. А время, какое было? Я лично удивляюсь оперативности донесения. Сейчас, наверно, месяц бы раскачивались да разду-

мывали – доносить непроверенные данные или нет?

А выводы Поляновского ещё более удивительны, чем вопрос. Во-первых, на чем основано это утверждение: “Их, ведомых – Воробьева и Рыбаса, допрашивали особысты.”?

Во-вторых, Поляновский пишет: “Допускаю, что кое-кто и знал. Но не решился рушить легенду: Герой №1, экипаж – символ всенародного самопожертвования”.

Помилуйте, товарищ Поляновский, о каком экипаже Вы говорите? Экипаж нигде не упоминался! Герой №1 был один – капитан Гастелло! Никакого экипажа “не было” (может быть, как раз потому, что “один из состава...” мог оказаться живым и, помилуй Бог, попасть в плен). Никто же из состава экипажа Гастелло за “Подвиг №1” не был награжден целых 17 лет даже медалью.

Вот я уже и втянулся в диалог по поводу “достоинств” второй части “Двух капитанов”. Придётся продолжить. Прежде всего, хотелось бы получить ответы на два очень простых вопроса:

Сколько вылетов 207-й полк сделал 26.06.41г.?

Сколько экипажей участвовало в тот день в налете на немецкие войска в окрестностях Радошковичей?

Эд. Поляновский мог бы сейчас с возмущением воскликнуть: “Помилуйте, Эдуард Васильевич! Да читали ли Вы мою статью? Да у меня там целая глава, начиная с заголовка “Это были два разных боя”, трижды отвечает на этот вопрос! А коли, были два разных боя, – значит и вылетов было – два! Я же четко написал: “С утра вылетело звено с ведущим командиром эскадрильи капитаном Масловым”, а “Гастелло вылетел во вто-

рой половине дня, т.к. с утра по этим дорогам действовали другие звенья”.

Уважаемый Эд. Поляновский, Вас, что загипнотизировал бывший начальник штаба полка Павлов? Я же Вас предупреждал, что ни одному слову этого человека верить нельзя! Ссылаясь на Павлова, Вы написали вот эту чушь: “Помните, уже на третий день войны от полка осталось две эскадрильи? Помните, после пополнения, на пятый день войны, погибло ещё 15 экипажей, осталось 12? К 8 июля (полмесяца войны!) от полка не осталось ничего”.

Эдвин помните, мы с вами в Подольске в Центральном Архиве МО РФ держали в руках “Именной список безвозвратных потерь Начальствующего и рядового состава 42 АД Главного командования за период с 22.06 по 31. 12. 41г.” (Опись 2. Дело 8). Помните, там сказано, что первые потери в 207 полку были 24.06.41г. В тот день полк потерял 8 экипажей? Помните, следующие потери в полку были на пятый день войны, т.е. 26.06. В тот день полк потерял не 15 экипажей, как выдумал Павлов, а два экипажа и этими экипажами были как раз экипажи Маслова и Гастелло??! Помните, что к 8 июля в полку не то, что “не осталось ничего”, а полк больше не имел потерь, т.к. перебазировался и участие в боевых действиях не принимал?! Помните, что следующие потери полк нёс: 11, 12, 13, 14, 15, 16, 19, 23, 26, 27 и 28 июля?! Вот к концу июля, т.е. не за “полмесяца войны!”, а почти за полтора месяца войны 207-й полк оказался выбитым полностью, а потому 18.08.41 г. и “прекратил своё существование”.

А чего стоит вот это – совершенно некорректное утверждение: “История с зениткой была бы

романтична, если бы речь шла не о гибели и если бы рядом по шоссе не шли могучие колонны немецких танков – цель куда более важная. Вместо танков – зенитка: личная месть”.

Что сказать по этому поводу специалисту по военной тематике? Прежде всего: зенитная батарея по сравнению с парой танков, которых можно было бы уничтожить “огненным тараном”, цель не менее важная, а куда более важная. И ещё: не вник, видно, Эд. Поляновский в смысл слов Шота Руставели “Врага уничтожить – большая заслуга! А друга спасти – величайшая честь!” Не вник видно, Эд. Поляновский и в логику выбора цели Масловым. Я бы на его (Маслова) месте, выбрал бы тоже зенитную батарею по следующим соображениям:

1. У немцев 3500 танков и только 1625 зенитных батарей.

(Дневник Гальдера. Том 2, стр. 347 и 374)

2. Я во главе группы. Отвечаю не только за выполнение боевой задачи, но и за жизни боевых товарищей, идущих за мной. Я самый опытный. И если уж подбили меня, то, что ждет менее опытных товарищей? Кто же будет уничтожать танки? Уничтожая (ценой жизни своего экипажа) зенитную батарею, я, во-первых, наношу врагу более значительный урон сам и, во вторых, помогаю боевым друзьям и врага уничтожить, и собственные жизни спасти!!

А что кроется за этим, явно не тактичным по отношению к солдатам, погибшим в бою, выражением: “Самолёт рухнул в рожь, в стороне от дороги”?

Господин Поляновский, а Вы где расположили бы зенитную батарею? На дороге? Или во ржи – в 180-и метрах от дороги? Немцы, наверняка, рас-

положили во ржи! А у нас в Зарайске в 1941 году зенитки располагались в садах! Вот если бы туда кто-то спикировал, Вы бы, наверное, сказали бы – “Рухнул в сад!”?

Напоминаю, что мы ищем ответ на вопросы: сколько вылетов сделал 207-й авиаполк 20.06.41 г. и сколько самолётов было в тот день над Радошковичами??

Эд. Поляновский, ссылаясь на А. Г. Павлова, утверждает, что вылетов было два, и участвовали в них, как минимум, два звена.

Мне бы хотелось спросить уважаемого журналиста – “А как же быть с известным Вам рассказом бывшего инженера по вооружению 207-го авиаполка Александра Митрофановича Бородина?” Бородин утверждает, что 26 июня 1941 года 207-й полк сделал всего один и всего второй с начала войны вылет! И был тот вылет совершен в середине дня. Полк в тот день перебазировался в Брянск, и всем экипажам была дана команда: “После выполнения боевого задания в Боровское не возвращаться, а лететь в Брянск”. А помните, что написано в обращении директора Белгосмузея истории Великой Отечественной войны к председателю исполкома Молодеченского облсовета? Напоминаю. Там сказано:

“26 июня сего года исполняется 10 лет со дня героического подвига капитана Николая Гастелло.

По данным наградного листа этот подвиг совершён в районе шоссе Молодечно-Радошковичи у Радошкович.

Нашим музеем в 1950 году была снаряжена в этот район экспедиция с целью уточнения времени, места и обстоятельств, при которых был совершён подвиг Гастелло и обнаружения останков са-

молёта. Экспедиции удалось установить, в результате опроса местного населения следующее:

а) действительно 26 июня 1941 г. между 11-12 часами дня имел место в районе шоссе случай падения советского самолёта, подбитого зенитным снарядом врага и загоревшегося в воздухе;

б) местом падения самолёта является небольшая поляна в 180 метрах вправо от шоссе Молодечно-Радощковичи, где оно пересекается проселочной дорогой из дер. Миговка в дер. Декшняны Волотьковского с/с (приблизительно в 3-х км. от Радощкович);

в) на месте падения самолёта обнаружено два авиадвигателя, часть плоскости и много мелких обгоревших и деформированных деталей, которые по определению авиаспециалистов относятся к советскому самолёту типа ДБ-3Ф, на котором летал Гастелло.

Данные репортажи о посмертном присвоении звания Героя Советского Союза капитану Гастелло и существующая версия о его подвиге полностью подтверждается показаниями местных жителей в части:

а) дата подвига – 26 июня 1941 г.

б) времени падения самолёта – между 11-12 часами дня.

в) место падения – район шоссе Молодечно–Радощковичи у Радощкович.

г) обстоятельства, при которых Гастелло совершил свой подвиг, – самолёт был подбит в воздухе зенитным снарядом, загорелся и водитель направил его на скопление противника.

д) моторы и останки самолёта соответствуют типу самолёта, на котором летал и совершил подвиг Гастелло – ДБ-3Ф.

е) состав экипажа самолёта – 4 человека – указывается в реляции и в показаниях населения. Экипаж похоронили на месте падения самолёта, как показали жители.

ж) число самолётов звена – 3 – соответствуют реляции и показаниям свидетелей.

з) последствия подвига экипажа – взрыв вражеских машин и цистерн – также соответствуют реляции и утверждениям населения.

Исходя из этого у нас сложилось твердое убеждение, что обнаруженные останки самолёта являются частями самолёта Гастелло, и, следовательно, подвиг им совершен в Радошковичском районе”.

Как можно после всего этого говорить о каких-то двух боях? Бой был – один!

Теперь попытаемся ответить на вопрос: “Сколько 26.06.41 г. в районе Радошкович было советских бомбардировщиков?”

Эд. Поляновский во второй части “Двух капитанов” дает на этот вопрос три разных ответа: Было два боя, и вели их – утром звено Маслова (3 самолёта), а в середине дня – звено Гастелло (ещё 3 самолёта). А, цитируя Павлова, говорит о том, что до Гастелло “с утра по этим дорогам действовали другие звенья”. “Другие” – это не “другое”, это значит, как минимум, два звена. Т. е. до Гастелло было не менее 6-и самолётов. Всего значит уже – 9?

В третьем случае Поляновский, ссылаясь на рассказ бывшего жителя деревни Марковичи (ни в каких документах эта деревня никогда не упоминалась), который пересказывал то, что слышал от деда, видимо решив все окончательно запутать, начал повествовать уже о нескольких парашю-

тистах, нескольких захоронениях и даже о густых лесах, в которых (это на 5-й то день войны?!) хозяйничали партизаны, говорит четко: “Самолётов было три”. Только теперь уже не понять о каком районе идет речь? О Радошковичах, Декшнянах и Миговке? Или Беларучах, Мацках и Шепелях?

В записке директора Белгосмузея и показаниях жителей дер. Декшняны (по горячим следам) говорится о 3-х самолётах!

Бородин Александр Митрофанович при встрече со мной в Радошковичах 26 июня 1991 года рассказывал: “26-го июня первым вылетел во главе своей эскадрильи майор Марков. Куда он полетел, я не помню. Потом вылетели Гастелло, Маслов и кто-то ещё. Куда они полетели, – тоже не знал. Нам техникам, не говорили. Только после стало известно, куда эти трое, летали”.

И хоть я сам раньше говорил о двух звеньях, возглавлявшихся Масловым и Гастелло; я уверен, что самолётов 26 июня 1941 года в небе над Радошковичами было три!

Почему я говорил о двух звеньях? А потому, что, не желая развенчивания Гастелло, держался ближе к официальной версии!

КИНО

История с публикацией “Двух капитанов” Поляновского вскоре имела для меня неожиданное продолжение. Как-то у меня дома раздался телефонный звонок. Мужчина, на том конце провода, представился Алаем Анатолием Ивановичем – режиссёром студии документальных фильмов “Беларусфильм”. Сообщил мне, что студия решила

снять фильм о Гастелло, и спросил меня, не соглашусь ли я принять участие в съёмках в качестве консультанта. Я просто опешил. Но быстро решил – пусть уж этим консультантом буду я, и дал согласие. Звонки из Минска стали частыми.

А однажды мне позвонили уже из Москвы и попросили подъехать к ним, чтобы вместе отправиться в Подольск в Центральный архив МО РФ. На следующий день я был в Москве и познакомился со съёмочной группой – с очень милыми и интересными людьми. Я ответил на все их вопросы. Сказал, что совершенно уверен, что снимать документальный фильм о Гастелло не надо! И повторил свои доводы, которые высказывал в своё время Эдвину Поляновскому. Меня внимательно выслушали и со мной не согласились!

Роль, которую мне практически отвели в фильме – меня совершенно не устраивала. Но я пошёл на встречу Алаю и сделал то, что им от меня было надо.

В общем, фильм сняли! Но, не сняли ни одного вопроса! Более того, фильм о Гастелло не столько ответил на вопросы, сколько поставил новых вопросов. И не случайно то, что фильм заканчивается словами: “Поиск продолжается”. И не зря фильм к показу в Белоруссии – запрещён!

Не знаю, чем руководствовался Министр культуры Беларуси, запрещая фильм, но очевидцы в фильме рассказывают о двух наших лётчиках, покинувших с парашютами горящий самолёт. При этом в фильме весьма убедительно утверждается, что первым покинул самолёт командир экипажа и, приземлившись раненным, но живым, попал к немцам в плен!

Второго парашютиста нашли (так утверждает-ся в фильме) мертвым, висевшим на стропах парашюта, зацепившегося за верхушки деревьев рядом с местом падения самолёта. Про этого второго лётчика говорят, что при нем нашли письмо к жене Скоробогатой!

Есть в фильме рассказ и ещё об одной находке. Участник поиска в лесном болоте самолёта и останков лётчиков, утверждает, что на месте падения, в том же районе, где был найден висевший на стропах, был найден документ, расшифровать на котором удалось только три заглавные буквы: А... А... К., которые, вполне могли принадлежать стрелку-радисту экипажа Гастелло – Алексею Александровичу Калинин.

ПОИСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

И вот передо мной его первые результаты. Передо мной копии учетно-послужных карт (полученные мной официально из Центрального архива МО РФ) на Рыбаса А. В. и Воробьёва Ф. К. – тех самых, якобы ведомых Гастелло, со слов которых описан “подвиг Гастелло” при представлении его к званию Героя Советского Союза (посмертно).

Так вот, согласно данным этих карт ни Воробьёв, ни Рыбас никогда не служили в 207-м авиаполку!

А поиск продолжается! Вот, что я написал 30 июня 1998 года в письме, адресованном отделу культуры посольства ФРГ:

“Уважаемые господа!

В 1991 году, пользуясь служебным положением, мне удалось в Центральном архиве Министерства

обороны СССР разыскать документы, подтверждающие тот факт, что в братской могиле, считавшейся местом захоронения капитана Н. Ф. Гастелло и членов его экипажа, совершившего 26 июня 1941 г. на окраине белорусского поселка Радошковичи “огненный таран”, были захоронены останки совсем другого экипажа – капитана А. С. Маслова. Стало ясно (по крайней мере, для меня), что произошла какая-то путаница, и за подвиг самопожертвования (фактический или кем-то выдуманный – именно в этом я и хочу разобраться) совершенный одним экипажем, звания Героя Советского Союза (посмертно) получил командир совсем другого экипажа.

С момента получения тех документов я стал бороться за то, чтобы четверем членам экипажа самолёта капитана Маслова А. С. было присвоено посмертно звание Героев.

2-го мая 1996 года Президент РФ подписал Указ №635, которым “За мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов” присвоил звание Героя Российской Федерации (посмертно) капитану А. С. Маслову и трём членам его экипажа.

Предвидя подписание Указа, я 9 февраля 1996 года обратился к редакции газеты “Известия” с письмом, которое стало отправной точкой для журналиста Эд. Поляновского, опубликовавшего в январе 1997 года большую статью “Два капитана”. В общем, неплохая статья вышла в свет с досадными опечатками и несколькими спорными утверждениями.

Дабы поставить все точки над “i”, я в сентябре 1997 года обратился за помощью к Вашему Пос-

лу. К большому сожалению, ответ на своё письмо я до сих пор не получил.

Прошу Вас помочь мне найти ответы на следующие вопросы:

Был ли на окраине пос. Радошковичи 26 июня 1941 года бой с бомбардировочной авиацией Советской Армии?

Сколько было сбито советских бомбардировщиков?

Зафиксирован ли факт парашютирования со сбитых самолётов?

Был ли кто из лётчиков пленен?

Были ли потери в танках в немецких войсках?

Были ли потери в зенитной артиллерии немецких войск?”

Ответ на этот раз, не заставил себя ждать, но не содержал ответов. Мне просто посоветовали обратиться непосредственно в “Ведомство по исследованию военной истории”. Что я и сделал 28.08.98 г. И на этот раз ответ пришел быстро и адресовал меня в “Государственный Военный архив ФРГ”.

22.11.98г. отправил письмо в немецкий военный архив. И опять ответ не заставил себя ждать и опять не принес ни одного объяснения. Мне просто предложили приехать к ним и вести поиск самому. Содействие было обещано. (Немцы, видимо, думают, что майор-инженер в отставке в стране, одержавшей победу, живет не хуже отставного майора побежденной страны? Как далеки они от истины!).

Но, поиск продолжается! Теперь к нему Владимир Яковлевич Стадник подключил члена Госдумы Юшенкова, а я обратился за помощью к Михаилу Михайловичу Прусак – губернатору Ве-

ликого Новгорода, а заодно и “Вице-председателю Парламентской ассамблеи Совета Европы” и “Главе сенатского комитета по международным делам”.

Старания Владимира Яковлевича закончились обещаниями помочь. А мне помогли советом обратиться в Росархив.

22 декабря усилиями Владимира Николаевича Стадника, и при моем участии ушло письмо за №3.6–37/711, подписанное Председателем Комитета СФ по международным делам М. М. Прусакон, и адресованное – “Господину доктору Керигу, полковнику, руководителю Военного архива Федерального архива Германии”.

Михаил Михайлович Прусак любезно согласился сделать от своего имени запрос на интересные нас со Стадником документы, способные пролить свет на события, разыгравшиеся 26 июня 1941 года в небе над Радошковичами и имевшие продолжение на многострадальной Белорусской земле.

Первое издание повести о экипаже Маслова заканчивалось словами: “Продолжение следует!”. Под продолжением имелось в виду повествование о новых находках на пути к истине в вопросе о “подвиге Гастелло” и, конечно, в вопросе отыскания новых фактов, рассказывающих о деталях *подвига экипажа самолёта капитана Александра Спиридоновича Маслова!*

Поиск на пути к истине продолжается. Но то, что удалось узнать за последнее время, позволяет сделать некоторые выводы. И первый из них тот, что капитан Гастелло не только не совершил никакого “подвига”, а совершил уголовное преступление, за которое статьей 262 “Оставление погибаю-

шего военного корабля” Уголовного Кодекса РСФСР предусматривалось наказание вплоть до смертной казни. (В скобках надо сказать, что на подобное преступление давность не распространялась).

Второй вывод о том, что “Наградной лист” на Гастелло – является чистой воды липой. Такой вывод позволяет сделать внимательное изучение “Военно-учетных карточек” на старшего лейтенанта Воробьёва и лейтенанта Рыбаса. Вспомним. В “Наградном листе” есть такие слова: “По наблюдению ст. лейтенанта Воробьёва, лейтенанта Рыбаса они видели...”. Так вот, ничего ни “наблюдать, ни видеть” Воробьёв с Рыбасом не могли! Так как никогда не служили в одном с Гастелло и Масловым 207-ом авиаполку! Тогда уместно спросить: “А был ли мальчик?”. То есть, а был ли подвиг?

Вот третий вывод и есть вывод о том, что подвиг – был! Вывод этот базируется на трех “китах”: показаниях очевидцев боя 26 июня 1941 года, изложенных в документе под названием “подтверждение”;

письме райвоенкома Радошковичей, адресованном Коломенскому райвоенкому;

“Наградном листе” на Гастелло.

О первых двух “китах” нет смысла много говорить. Они приводятся в данной книге, и в них достаточно только внимательно вчитаться, чтобы дать вполне утвердительный ответ на вопрос: “А был ли подвиг?”.

Есть смысл, наверное, объяснить по поводу объявления “Наградного листа” на Гастелло то “липой”, то – зачисления его в ранг “кита”. Сделать это не сложно. “Липой” чистой воды в “Наградном

листе” является ссылка на Воробьёва и Рыбаса “Китом” являются слова: “По наблюдению... они видели...”.

Вспомним. Тогда – 26 июня 1941 в небе над Радошковичами были три самолёта. Два из них были подбиты огнем зенитной батареи немцев, а третий – улетел целым и невредимым. А значит. его экипаж мог и “наблюдать и видеть” и рассказать о “*виденном*”.

Мир, как я понимаю, впервые узнал о “подвиге Гастелло” из сообщения “Совинформбюро”, озвученном 5 июля 1941 года. Видимо вернувшемуся экипажу задали-таки вопрос: “Куда же делись два комэска??”. Что они там, в действительности “наблюдали и видели”, я не знаю. Но, мне кажется, они просто *вынуждены* были говорить о том, что вместе с комэсками были в самом пекле того трагического боя. А коли так, то уж и не могли не “наблюдать и видеть”. А значит волей или не волей, должны были что-то рассказывать. Почему они в ранг Героя возвели Гастелло? А про экипаж Маслова ничего путного сказать не смогли (коли он стал считаться “пропавшим без вести”) – навсегда останется на их совести. Тут возникает ещё один вопрос: “Зачем авторы “Наградного листа” прибегли к “липе”?”. И ещё – “Зачем им потребовалось прибегать к помощи посторонних лиц”? Почему бы им не воспользоваться подтверждениями тех, кто “и наблюдали, и видели”?

Вся суть, наверное, в том, что к моменту составления “Наградного листа” тот – третий экипаж уже тоже погиб, а их рассказ или к этому времени оказался утерянным, или кого-то не устраивал.

Вывод четвертый: подвиг самопожертвования, называемый “огненным тараном”, 26 июня 1941

года в окрестностях Радошковичей имел место и был совершён экипажем самолёта капитана Маслова Александра Спиридоновича!

И вывод, на сегодняшний день, последний: автором идеи сделать из Гастелло некий символ – “маяк”, указующий путь к самопожертвованию во имя “победы любой ценой” был Давид Ортенберг. Давид тот был большим умницей и сам говорил о том, что был вхож к Сталину! Непосредственным начальником Ортенберга был Мехлис – начальник Главного политического управления Красной Армии. Так вот если Ортенберг – бывший главным редактором главной военной газеты “Красная звезда”, гордился тем, что “был вхож к Сталину”, то Мехлис гордился тем, что “умел предугадывать мысли Сталина”. А вывод этот мой заключается в том, что генерал Д. Ортенберг сильно скромничал. Мне представляется, что он переплюнул своего шефа. Будучи вхожим к Сталину, он не “предугадывал” мысли “вождя всех народов”, а внушал ему свои мысли.

А мысли его, в первые дни Великой Отечественной Войны, были, скорее всего, горькими. Мне кажется, что он первым понял, что с такими гореполководцами как Будённый, Ворошилов, Жуков и Тимошенко, нам гитлеровских генералов (не полководцев) не победить! Вот он и внушил Сталину – главному виновнику всех наших **ПОБЕД** – мысль о том, что нужно срочно, в аварийном порядке, создать “маяки”, дабы освещали они народу-винтику путь к гибели по “собственному желанию” (чтобы не было это похоже на геноцид собственного народа), чтобы забросать немцев не шапками, а собственными трупами, ибо выиграть войну не числом, а умением (как это очень хорошо умели

делать наши, действительно великие, полководцы прошлого) – нам всё равно не светит!

В своей книге “Июнь-декабрь сорок первого” Давид Ортенберг написал: “В субботу, 5 июля, поздно вечером пришло краткое сообщение: “Героический подвиг совершил командир эскадрильи капитан Гастелло. Снаряд вражеской зенитки попал в бензобак его самолёта. Бесстрашный командир направил охваченный пламенем самолёт на скопление автомашин и бензоцистерн противника. Десятки германских машин и цистерн взорвались вместе с самолётом героя”.

Позвонили в штаб ВВС – там не только нет подробностей, а и сам факт гибели Гастелло пока неизвестен.

Итак, “подробностей нет”, а тут же “дал задание поэту Михаилу Голодному написать стихи о подвиге Гастелло”. Вот и выходит, что правы были сочинители (не он ли сам?) наградного листа на Гастелло, когда написали в нём (это через месяц-то после начало войны!): “Героический поступок капитана Гастелло сейчас знает вся страна, поэты и писатели вместе с народом сложили о славном экипаже и его командиру песни и боевые рассказы”.

Ну, а то, что Ортенберг не только большой умница, но и большой выдумщик, подтверждают и следующие строки из статьи “Архивы снова закрываются” историка Анатолия Прокопенко, опубликованной 25 сентября 1997 года в центральных “Известиях”. Вот что, я уверен не без основания, написал А. Прокопенко: “Этот секрет – тоже в “Особой папке”. В ней же – документы о блистательной выдумке бывшего главного редактора “Красной звезды” Ортенберга...”.

Какой же вывод можно сделать из моих выводов? Тут, я думаю, вывод напрашивается только один – “Слава Гастелло – липовая, а подвигу экипажа Маслова – от этого никакого умаления быть не должно! И не может!”

КАК ЭТО БЫЛО?

В конце октября 2000 г. смотрю на первом канале телевидения передачу “Как это было”. Передача была посвящена послевоенным воздушным таранам. Однако в гостях у ведущего был сын Гастелло. Могут спросить: “Почему бы нет?”. Отвечу словами Корана: “не облачайте истину ложью, чтобы скрыть истину, в то время как вы знаете!” (Сура, стих 39).

Подумав, а может быть авторы передачи “Как это было” газет не читают и, кроме собственной программы, других передач не смотрят, взял лист бумаги и написал, специально для них, как это было в конкретном случае с Гастелло. Вот что у меня получилось:

Нас учили верить, что “26 июня 1941 г. беспримерный героический подвиг совершил капитан Николай Гастелло, который свой подбитый самолёт направил на колонну вражеских танков и цистерн. Десятки машин были уничтожены на месте от взрыва самолёта отважного лётчика”. (История СССР. Москва “Высшая школа”. 1978. Стр. 241).

Нам внушали, что “Всей стране в начале войны стал известен бессмертный подвиг лётчика коммуниста Н. Ф. Гастелло и его экипажа. Эскадрилья Гастелло наносила удары по врагу на дороге Молодечно-Радошковичи. От вражеского снаряда

самолёт загорелся. Сбить пламя не удалось. Героический экипаж направил горящий бомбардировщик на колонну вражеских машин” (История КПСС. Политиздат. Москва. 1970. Том 5, Книга 1, стр. 147).

И мы верили, что “26 июня бессмертный подвиг совершил командир эскадрильи 207-го авиаполка 42-ой авиадивизии капитан Н. Ф. Гастелло и его экипаж в составе А. А. Бурденюка, Г. Н. Скоробогатого и А. А. Калинина. После выполнения боевого задания, когда их самолёт уже уходил от цели, вражеский снаряд пробил бензобак. Огонь мгновенно охватил весь самолёт. Сбить пламя не удалось. Тогда Н. Ф. Гастелло направил горящий самолёт в скопление вражеских автомашин и бензоцистерн” (История ВОВ Советского Союза 1941-1945. Воениздат. Москва. 1961. Том 2, стр. 33).

А БЫЛО ЭТО ТАК!

Оказав в сентябре 1939 года дружеской фашистской Германии посильную (и не малую) помощь в развязывании 2-ой мировой войны, отодвинув на запад за счёт оккупации восточных областей многострадальной Польши, на сотни километров свои границы, поверив в провидческий гений Сталина, убаюканные сообщением ТАСС от 14 июня 1941 года, наши войска 8, 11, 3, 10 и 4 армий спокойно спали, когда на них обрушилась вся мощь авиации и механизированных войск Гитлера. Потери наши были просто ужасны, и никакой итог всей войны не может снять ответственности за них, с тогдашнего руководства СССР и Красной Армии.

Только в направлении на Минск танковые груп-

пы Гота и Гудериана, наступая со скоростью около 100 км. в сутки, в первые 5 дней войны взяли в 4 кольца окружения сотни тысяч войск наших 3-е и 10-й армий, а частично и 4-ой, 11-й и 13-й наших армий.

Только 25 июня нашим, уже разгромленным и деморализованным, войскам был дан приказ на выход из окружения. Легко отдавать приказы из-за кремлёвских стен Москвы. А подумал ли, хоть кто-нибудь, о возможности их выполнения? Конечно, лучше поздно, чем никогда.

207-й авиаполк 42-й авиадивизии дальних бомбардировщиков в момент начала войны базировался под Смоленском на аэродроме “Боровское”. 24 июня полк понес первые боевые потери. В тот день молах войны поглотил 8 его экипажей. 25 июня была нелётная погода, и полк приводил себя в порядок, готовился к предстоящим боям и никак не мог оказать помощь нашим войскам, варившимся в собственной крови в немецких котлах. 26 июня уже самому 207-у полку угрожала смертельная опасность, т.к. от места базирования до линии фронта оставалось чуть более 300 км. И полк получил приказ перебазироваться в Брянск.

Но, кто-то все-таки думал о необходимости оказать хоть какую-то помощь истекавшим кровью войскам. А потому и 207-й не весь сразу полетел в Брянск, а послал три лучших экипажа к важной развилке дорог в районе белорусского посёлка Радошковичи, расположенного чуть северозападнее Минска. Послал именно туда, куда могли выходить наши окружённые войска. Послал почти на верную смерть для того, чтобы закупорив развилку, создать разрыв в сплошных танковых колоннах Гота. И таким образом предоставить хоть

малейший шанс, хоть малой толике из сотен тысяч наших бедолаг, готовившихся “на удар ответить тройным ударом”, и оказавшихся на пятый день войны запертыми в четырёх кольцах окружения!!?

Во главе той тройки смертников летел командир 3-й эскадрильи капитан Александр Спиридонович Маслов. Рядом летел друг – комэска 4, капитан Николай Францевич Гастелло. Перед вылетом со своего, уже всеми покидаемого аэродрома, успели позавтракать и сказать “последнее прости” своим женам. До линии фронта, а она располагалась менее чем в 10 км. восточнее Радошковичей, лёта около одного часа. Солнце стояло чуть ниже зенита. И прямо из-под него, как неумолимое возмездие, на головы врагов, но и под разрывы ураганного огня зенитных батарей, свалились красные соколы!

“В результате вражеского огня один самолёт ушел на юг. Он, очевидно, был подбит, ибо за ним оставался хвост дыма. Другой самолёт невредимым ушел на Минск. Третий же самолёт был в воздухе подбит и загорелся примерно над дер. Миговка (0,5 км от шоссе) (Из показаний очевидцев боя на шоссе Молодечно-Радошковичи, записанных 1 апреля 1950 года сотрудниками Белгосмузея Истории ВОВ).

Далее из показаний тех очевидцев следует, что этот “третий”, будучи подбитым огнём зенитной батареи на расстоянии 0,5 км от шоссе, “круто повернул от Минска к шоссе. Перелетев через шоссе, экипаж самолёта сбросил не менее 2-х крупных бомб на колонну автомашин противника... и врезался в землю приблизительно на расстоянии 180 м от шоссе”. Ещё те очевидцы заявили, что “С этого самолёта один лётчик выпрыгнул с пара-

шютом” и, что “были слухи через недельку, что это был советский капитан”.

Так кто же из этих троих был кто? О том, кто “невредимым ушел на Минск” мне до сих пор ничего установить не удалось. Но, не о них речь. Речь о двух самолётах и их экипажах, подбитых огнём зенитной батареи немцев.

В “Именном списке безвозвратных потерь начальствующего и рядового состава 42 АД Главного командования за период с 22.06 по 31.12.41г” не вернувшимися с боевого задания 26.06. в 207-м авиаполку числятся два экипажа: экипажи капитанов Гастелло и Маслова.

А в “Именном списке безвозвратных потерь начальствующего и рядового состава 42 АД с 22.06 по 28.06.41г.” после перечисления фамилий членов экипажа капитана Н. Ф. Гастелло, есть “Примечание: Один человек из состава этого экипажа выпрыгнул с горящего самолёта, кто не известно”.

25 июля 1941г. командир 207 полка капитан Лобанов подписал “Наградной лист” на командира эскадрильи 207 ДБАП 42 авиадивизии капитана Гастелло Николая Францевича. В этом “Наградном листе” есть такие слова “26 июня капитан Гастелло с экипажем: Бурденюк, Скоробогатый и Калинин повел звено ДБ-3Ф бомбить зарвавшихся фашистов. По дороге Молодечно-Радошковичи у Радошковичи показалась вереница танков противника, звено Гастелло сбросив бомбы на груды скопившихся на заправку горючим танков и расстреливая из пулеметов экипажи фашистских машин, стал уходить на свою базу, но в этот тяжёлый момент снаряд догнал машину капитана Гастелло; получив прямое попадание, объятый пламенем самолёт не мог уйти на свою базу, но в этот тяжёлый

момент капитан Гастелло и его мужественный экипаж были заняты мыслью не допустить врага на родную землю.

По наблюдению ст. лейтенанта Воробьёва и лейтенанта Рыбаса они видели как капитан Гастелло развернулся на горящем самолёте и повёл его в самую гущу танков”. И далее: “Героический поступок капитана Гастелло сейчас знает вся страна, поэты и писатели вместе с народом сложили о славном экипаже и его командире песни и боевые рассказы”.

26 июля 1941 г. (на следующий день после подписания “наградного листа”!) Указом Президиума Верховного Совета СССР капитану Н. Ф. Гастелло (так и не выяснив, кто же из этого экипажа не захотел идти на “подвиг” и покинул самолёт с парашютом) было присвоено высокое звание Героя Советского Союза (посмертно).

Чуть выше я написал: “О том, кто “невредимым ушел на Минск” мне до сих пор ничего установить не удалось”. Я что, не читал до того “Наградной лист” на Гастелло? Там же есть такие слова: “По наблюдению старшего лейтенанта Воробьёва и лейтенанта Рыбаса они видели...”, а коли “видели” – значит они и были теми “невредимыми”! Значит, значит, да вот быть этого совсем не могло! Так как ни Воробьёв, ни Рыбас никогда не служили в 207-ом полку; а значит и не могли быть в “звене Гастелло”!

Передо мной копии 3-х документов, официально полученных мной из Центрального архива МО РФ. Я говорю о “Военно-учетных карточках” на Воробьёва и Рыбаса и “Списке безвозвратных потерь 96-го полка 42 АД”. Все три документа одно-

значно говорят о том, что ст. лейтенант Воробьев и лейтенант Рыбас служили в 96-м авиаполку.

А что же стало с экипажем капитана Маслова?

До мая 1942 года командование 42 АД никак не хотело выносить окончательный вердикт по вопросу о судьбе этого экипажа. Но, в конце концов, вынуждено было признать их “пропавшими без вести”. Совсем не легко было в то время честному человеку вынести такой “приговор” своим боевым товарищам, если о судьбе их ему ничего не известно. Так и числились целых 10 лет капитан Маслов А. С., лейтенант Балашов В. М., младшие сержанты Бейскбаев Бахтурас и Реутов Г. В. “пропавшими без вести”, т.е. “полупредателями”!

Почему только 10 лет? А потому, что по инициативе директора Белгосмузея истории ВОВ Щуцкого к 10-летию “бессмертного подвига” капитана Гастелло было решено перенести останки героического экипажа из могилы на месте гибели, где они были тайно захоронены местными жителями, в братскую могилу, подготовленную для них в самом центре поселка Радошковичи. Там же в сквере и был установлен бронзовый памятник Герою Советского Союза капитану Гастелло.

Стоит там памятник Гастелло и до сих пор. А вот братской могилы героического экипажа там уже давно нет! А была! Все дело в том, что на памятной табличке было написано, что покоился там прах экипажа капитана Маслова А. С. Что это? Была допущена ошибка? Я уверен, что ошибка действительно была! Но допущена она была не в момент перезахоронения, а в момент раздумий (если таковые были?) над тем, кого назначить “Героем”? Из кого сделать символ, этакий “Маяк”,

который должен указывать путь к Самопожертвованию! К самопожертвованию, без которого наши доморощенные фюреры, уже не надеялись исправить последствия своих преступных просчётов!

После вскрытия могилы под Радошковичами, всем стало ясно, что тот самый “бессмертный подвиг”, за который капитан Н. Ф. Гастелло был назначен “Маяком”, совершил совсем другой экипаж – экипаж капитана Маслова А. С.

Неизбежно встал извечный вопрос: “Что делать?”.

22 ноября 1951 года, в день рождения Александра Спиридоновича Маслова, всем членам его экипажа позорная формулировка “пропал без вести” была заменена на “погиб при выполнении боевого задания 26.06.41”. А в военкоматы по месту рождения членов экипажа ушли письма от военкома Радошковичей – подполковника Котельникова. Пришло такое письмо и в Коломну, и было сразу переадресовано вдове капитана Маслова – Софье Евграфовне. Копия того письма сейчас передо мной. И вот, в частности, какие есть в нем слова: “По показаниям местных жителей, героический экипаж вел мужественный бой с немецко-фашистскими стервятниками, но, будучи поврежден, уже горящим повел свой самолёт на немецкую колонну войск, двигавшихся на гор. Минск”.

Получив такое известие, вдова капитана Маслова натерпевшаяся (мягко говоря) больших неприятностей из-за клейма “пропал без вести”, стала ходатайствовать о присвоении её мужу того же звания, какое за ПОДВИГ, совершенный экипажем мужа, было присвоено капитану Гастелло. На авторитет самого Гастелло она при этом никак не покушалась и просила других не делать этого! То,

что ответов на свои обращения она не получила, привело её в 1961 году в Коломенскую прокуратуру. Так судьба свела вдову капитана Маслова с моим отцом – Харитоновым Василием Ивановичем, работавшим тогда в прокуратуре народным следователем. Отец помог Софье Евграфовне сформулировать обращение в Президиум Верховного Совета СССР.

Я совершенно уверен в том, что именно настойчивость вдовы А. С. Маслова привела к тому, что 22.06.1964 г. по Акту №34651 важнейшие документы дела капитана Маслова, хранившиеся в Центральном Архиве МО СССР, были уничтожены!

30 лет я знал правду (как в последнее время оказалось – “правду, да не всю”) о Гастелло и Маслове, но никак не мог ускорить пришествия момента торжества справедливости. Такая возможность у меня появилась только после того, как я стал помощником Народного депутата СССР Владимира Яковлевича Стадника, народным депутатом Коломенского городского совета народных депутатов и членом редакции, созданной мной коломенской газеты “Известия”. И я эту возможность использовал полностью. Прежде всего я поехал в Радошковичи на празднование 50-летия “легендарного подвига” Гастелло. Эта поездка дала мне возможность встретиться ещё живыми свидетелями событий 26 июня 1941 года. Я очень благодарен Александру Митрофановичу Бородину – бывшему инженеру 207-го авиаполка по вооружению, за его рассказ о дне 26 июня 1941 года. Тот день ему запомнился хлопотами, связанными с перебазированием в Брянск. Исключительную ценность в его рассказе представляют сведения о том, что в тот день “полк сделал всего один и

всего второй с начало войны вылет! И был тот вылет совершен в середине дня”. Запомнил он и фамилии двух командиров экипажей из состава “звена Гастелло”. Вот что он мне тогда говорил: “26-го июня первым, во главе своей эскадрильи, вылетел майор Марков. Куда он полетел я не помню. Потом вылетели Гастелло, Маслов и кто-то ещё. Куда они полетели – тоже не знал. Нам, техникам, не говорили. Только после стало известно, куда эти трое летели”.

Подарком судьбы считаю тогдашнюю встречу с двумя стариками из деревни Декшняны (назвать свои фамилии они отказались потому, что “им было запрещено говорить о Маслове”). Эти простые добрые (запуганные) люди показали мне то самое место – “метрах в 180-и от шоссе”, куда врезался самолёт капитана Маслова! А на свой вопрос: “А что здесь было тогда”? Я получил дружный ответ: “А та самая батарея, которая их и сбила”!

Потом были поиски документов в Центральном архиве МО СССР, выступление на сессии Коломенского горсовета с предложением “Возбудить ходатайство о присвоении всем 4-м членам экипажа капитана А. С. Маслова звания Героя Советского Союза (посмертно); публикации в газетах и выступления по телевидению; обращения к президентам и высшим органам власти и опять работа в архиве. Закончилось (правда не совсем) все это вышеуказанным Указом Б. Ельцина.

И все было бы хорошо, если бы не это “проклятое” желание не только самому узнать правду, но и донести её до широких народных масс.

Уместно, я думаю вспомнить здесь слова Юлиана Семенова о том, что “История – штука многосложная... Многое, казалось бы, исчезает

навсегда, всё вроде бы покрыто тайной, да и годы отстучали своё, ан – нет, внезапно правда поднимается наверх, высвечивая всех тех, кто служил добру, как, в равной мере, и злу...”

Пора, я думаю, вспомнить теперь и слова современника Чингисхана и Александра Невского – Иранского поэта Саади Ширази, который не был придворным, но давал советы Царям. Он говорил:

Следи, государь, чтобы в войске герой
Бывал награжден и отмечен тобой.
А трус да погибнет! Покинувший бой,
Пусть будет убит не врагом. так тобой”.

Разработчики Уголовного Кодекса РСФСР, наверное, были согласны с Саади, когда в статье 262 предусмотрели смертную казнь для командира, не выполнившего до конца своих служебных обязанностей и оставившего погибающий военный корабль. Ещё больше согласие с Саади, разработчики УК РСФСР продемонстрировали при формулировании статьи 48, не предусмотрев в ней автоматического применения давности “к лицу, совершившему преступление за которое по закону может быть назначена смертельная казнь”.

Какие выводы можно сделать из всего сказанного?

Помня слова Льва Николаевича Толстого, говорившего: “Если люди говорят вам, что не надо во всём добираться до правды, потому что полной правды никогда не найдешь, не верьте им и бойтесь таких людей. Это самые злые враги не только истины, но и ваши. Они говорят это только потому, что сами живут не по правде и знают это и хотели бы, чтобы и другие люди жили так же” я бы сделал два вывода:

Во-первых, надо назначить официальное прокурорское расследование действий членов экипажа самолёта капитана Н. Ф. Гастелло. А до его окончания – перестать славословить их сомнительный (мягко говоря) “подвиг”.

Во-вторых, в Евангелии от Иоанна сказано: “ныне прославился Сын человеческий, и Бог прославился в Нем; если Бог прославился в Нем, то и бог прославит Его”. (Глава 13, стихи 31 и 32). Мне кажется, что, перефразируя эти слова правомерно сказать: “Если Человек прославил Родину, то Родина обязана прославить его”!

А коли так, то просто необходимо донести до широких масс всего постсоветского пространства правду о героической гибели экипажа самолёта капитана Маслова Александра Спиридоновича!

Нужно имена Балашова Владимира Михайловича, Бейскбаева Бахтураса, Маслова Александра Спиридоновича и Реутова Григория Васильевича не только занести в энциклопедии и учебники, но и снять о них фильмы и показать их по всем каналам телевидения!

Народы должны знать своих героев! Ибо, как говорил Алексей Толстой “Герой – это живое воплощение всего, что есть лучшего в человеке, а лучшее – это борьба за мощь, за изобилие, за счастье народа”.

Эдуард ХАРИТОНОВ

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ К ИСТИНЕ

Редактор *Н. Оразбек*

Художник *Н. Наурызбаев*

Компьютерная верстка и дизайн *К. Оразбек*

Родился в 1934 году. Окончил Коломенский станкостроительный техникум, затем Серпуховское военно-техническое училище, после чего служил в рядах военно-воздушных сил, в том числе и в Казахстане.

Окончив Военно-воздушную академию имени Н. Е. Жуковского в 1965 году направлен в 123-й авиа-ремонтный завод. С 1979 года руководитель группы конструкторов Коломенского тепловозостроительного завода. С июня 1989 г. по январь 1992 года помощник народного депутата СССР по Коломенскому избирательному округу.

ISBN 9965-10-005-5

9 789965 100055